

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 30

1989

Олег ШМЕЛЕВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

К Л Ю Ч И

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 30

Издается с января 1925 года

Олег ШМЕЛЕВ

КЛЮЧИ

ПОВЕСТЬ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1989

Олег ШМЕЛЕВ

(1924—1987 гг.)

Эта повесть — последнее из произведений огоньковца Олега Михайловича Шмелева. Писатель-фронтовик, он закончил ее буквально за несколько недель до своей кончины после тяжелой неизлечимой болезни.

О. М. Шмелев родился в 1924 году в Подмосковье. Восемнадцатилетним юношей он служил в отряде подводников-балтийцев, затем в стрелковых частях Ленинградского фронта. Снайпер Шмелев участвовал в боях, в том числе на знаменитой Невской Дубровке. Был дважды ранен. Среди его воинских наград — медаль «За отвагу».

После демобилизации репортер и очеркист Олег Шмелев работал в «Комсомольской правде». Тридцать пять лет жизни он отдал «Огоньку».

Читателям и кинозрителям О. М. Шмелев известен как автор и соавтор популярных книг и киносценариев «Ошибка резидента», «Возвращение резидента», «Знакомый почерк» и др.

Мастером детективного сюжета предстает он и в последней своей повести.

Не каждое утро начинается, как это...

С пятницы на субботу Татьяна Никитина не ночевала дома. У нее было два билета в Малый театр, и, так как Саша Кузьмичев, ее теперешний друг, за которого она собиралась выйти замуж, неожиданно вынужден был срочно уехать из Москвы, она пошла в театр со своей сослуживицей и подругой Натальей Поздняковой. Наталья жила недалеко от театра — в старом доме на улице Кирова, вместе с родителями, а Татьяна — в самом конце Профсоюзной. Они еще днем решили, что Татьяна не поедет ночевать домой, и после спектакля пешком пошли на улицу Кирова. Для начала апреля вечер был очень теплый, они шли неторопливо, тем более что новые, еще не обношенные туфли слегка натирали Татьяне пятки.

Потом они долго разговаривали на кухне за ужином, легли во втором часу и проснулись поздно. Татьяна отказалась от предложения подруги провести субботу вместе, взяла такси и поехала к себе на Профсоюзную.

Поднявшись на лифте, она позвонила к соседям, супругам Семеновым. Открыла Марья Николаевна.

— Здравствуйте. Саша ключи оставил? — спросила Татьяна.

Марья Николаевна принесла брелок с ключами.

Войдя в квартиру, Татьяна сбросила туфли, надела тапочки и открыла дверь комнаты.

То, что она увидела, заставило ее вскрикнуть.

На полу лежал мужчина.

Он лежал спиной к двери на боку, с согнутыми в коленях ногами. Он как будто спал, но что-то сказала Татьяне, что лежащий не спит, что он не дышит. Было так тихо, как не бывает просто в пустой квартире. Словно это застывшее на полу тело вбирало в себя все звуки.

Телефонный звонок в кухне оглушил ее. Она на цыпочках подошла, сняла трубку и услышала частые гудки. Положила трубку, увидела на столе свои ключи, сунула их в карман жакета и, бросив сумочку перед выходной дверью, выбежала на лестничную площадку.

Открывшая ей Марья Николаевна тотчас поняла: произошло что-то необычное.

— Что случилось?

Татьяна показала на распахнутую дверь своей квартиры.

— Там, там...

— Петр! — позвала Марья Николаевна.

Ее муж вышел в накинутах на плечи старом военном кителе.

— Прошу вас, Петр Иванович, посмотрите...

Они троем вошли в квартиру Татьяны — Петр Иванович впереди.

— Кто ж это? — спросил он, увидев лежащего на полу мужчину.

На мужчине была короткая, до пояса, серая кожаная куртка и синие вельветовые брюки. Одежда показалась Татьяне знакомой, но она не могла бы утверждать, что это действительно так.

Все трое стояли в дверях на пороге комнаты. Марья Николаевна заглянула через плечо мужа и сказала:

— У него на голове рана.

И правда, густые русые волосы на затылке были словно смазаны бурой, уже засохшей краской — всего один мазок.

— Надо звонить ноль — два, — сказал Петр Иванович.

...Дежурная следственно-оперативная группа приехала минут через тридцать. Вместе с нею был старший оперуполномоченный МУРа майор Басков.

Следователь прокуратуры Степанов жестом показал группе, чтобы приступали к делу. Басков посмотрел на Татьяну Никитину, стоявшую в тесной прихожей, спросил:

— Вы хозяйка?

— Да.

— Посидите, прошу вас, на кухне.

Она пошла, села к столу и замерла, слушая, как в комнате происходит какая-то возня, что-то щелкает. Потом она увидела собаку, овчарку, следом за которой выскочил на лестницу низенький человек.

Все двери раскрыты, чужие люди в доме... Все это было похоже на день, когда хоронили отца, пятнадцать лет назад. Но тогда ей было больно и невыразимо печально, и даже ее одноклассницы из 9 «А», принесшие белые цветы, плакали в передней — не в этой квартире, а в прежней, — теперь же она испытывала страх.

Басков вошел, посмотрел на нее мельком.

— Меня зовут Алексей Николаевич Басков.

— Таня, — сказала она.

— Простите, но вам придется взглянуть на умершего.

Она встала, он взял ее под локоть и ввел в комнату. Мужчина в серой куртке и синих брюках лежал на спине.

Она посмотрела на лицо лежащего и застонала.

— Вы знаете его? — спросил Степанов.

— Толя, — тихо сказала она.

— Кто он?

— Мой бывший муж.

В эту минуту в комнату вошел низенький человек, державший на коротком поводке немного позади себя овчарку. Он сказал, переводя дыхание:

— Товарищ Степанов, только до переулка... Там, наверно, стоял автомобиль.

Степанов сказал кому-то из присутствующих:

— Уездите.

Того, кого она назвала Толей, положили на носилки и унесли.

Степанов спросил у одного из оперативной группы:

— Как замок?

— Если изъять, может, что и найдется, но скорей всего не чужим ключом открывали.

Степанов опять сделал общий жест, и все ушли, кроме Баскова.

— Следовательно по особо важным делам,— представился хозяйке Степанов.

Басков снова взял Татьяну под локоть и повел на кухню.

Степанов из чемоданчика вынул и положил на стол пачку больших листов и сказал Татьяне:

— Мы понимаем, вам сейчас не до этого, но есть срочные вопросы. Вы говорите, это ваш бывший муж. Давно разошлись?

— Почти год. В июле.

— Как его фамилия?

— Как моя. Никитин. Анатолий Владимирович.

— Жил где?

— У него однокомнатная квартира. Кооператив.

— Адрес знаете?

Она назвала адрес.

— Где работал?

— Табачным киоскером. Только значился, а торговала его мать, пенсионерка.

— Завтра воскресенье,— сказал Степанов.— Мы вас вызовем в понедельник... Но вот еще что... У него ключи от вашей квартиры были?

— Да. Он свои вещи не все еще забрал.

— В коридоре на вешалке мужской плащ и пальто. Они принадлежат Никитину?

— Нет, это Сашины.

— А кто — Саша?

— Кузьмичев Александр,— ответила она, вздохнув.— Собираемся расписаться.

— Он живет у вас?

— Да. Уже полгода... Но у него есть комната в общежитии.

— Чем он занимается?

— Шофер... На дальних рейсах...

— Совтрансавто?

— Не знаю, как называется... Большая такая машина... С брезентом...

— А где он сейчас?

— К родителям поехал, в Харьков. У отца инсульт... Пришла телеграмма...

— А комната где?

Татьяна продиктовала адрес Саши — Александра Михайловича Кузьмичева.

— У вас его фотография есть? — спросил Басков.

— Конечно.

— Дайте нам одну, пожалуйста.

Он пошел с ней в комнату. Татьяна взяла с книжной полки черный конверт. В нем была пачка разноформатных фотографий, она отобрала несколько штук, протянула Баскову.

Они вернулись на кухню.

— Прошу вас, — сказал Степанов, — начните со вчерашнего дня... Если можно, по порядку.

Татьяна рассказала о непредвиденном отъезде Саши, про театр, про ночевку у подруги и все остальное, вплоть до того момента, когда она вошла в свою квартиру.

— Как зовут вашу подругу?

— Наташа... Наталья Ильинична Позднякова.

— Где работает?

— Мы вместе... В министерстве. Она тоже плановик.

— Скажите, Татьяна Васильевна, ваш бывший муж и Александр Кузьмичев друг друга знали?

— Да, они знакомы.

— И в хороших отношениях?

Она замялась.

— Саша ревнует немного.

— Поехал на поезде?

— Да. Машину гонять не захотел.

— Во сколько он уехал?

— По-моему, в девять с чем-то.

— Вчера?

— Да.

— А какую машину он не захотел гонять — большую с брезентом?

— У него «Жигули».

Басков спросил:

— Кто знал, что вы идете в театр?

— Толя.

— Каким образом?

— Он же сам билеты достал.

— Когда это было?

Она немного подумала.

— В понедельник.

— А когда пришла телеграмма?

— В среду.

— Билеты у вас сохранились?

Татьяна порылась в сумочке, в кошелечке.

— Здесь нет... Может, у Наташи...

Степанов записал номер дома и квартиры по улице Кирова, спросил:

— Телефон там есть?

— Да. — Татьяна продиктовала.

Басков сказал:

— Давайте позвоним.

Видно, Наталья по голосу сразу почувствовала, что с подругой неладно. Басков и Степанов отчетливо услышали вопрос:

— Что случилось, Тань?

— Не спрашивай... С тобой хотят поговорить.

Басков взял протянутую трубку.

— Здравствуйте, Наталья Ильинична. Это Басков из уголовного розыска. Надо бы встретиться, буквально на две минуты.

— Пожалуйста, — растерянно сказала она.

— Мы заедем через час. А может, чуть позже. — Положив трубку, Басков спросил у Татьяны: — В Харькове где родители Кузьмичева живут?

— К сожалению, не знаю. Как-то ни к чему.

— Вы говорили, у него машина, — напомнил Степанов. — Где он ее держит?

— Во дворе.

— Проводите, пожалуйста, мы взглянем.

Степанов дописал протокол, дал прочесть Татьяне, она расписалась, и они вышли из квартиры.

Красный «Жигуленок», к которому Татьяна подвела Баскова и Степанова, стоял недалеко от мусорных баков.

Они оба одновременно увидели на полу под задним сиденьем сверток из газеты.

Степанов посмотрел на Баскова и сказал шепотом:

— Надо поговорить с хозяйкой. — И обратился к Татьяне: — У вас ключи от машины есть?

— Должны быть запасные. — Было видно, что она боится идти в квартиру.

— Поищем ключи, Татьяна Васильевна.

— И еще очень прошу, — сказал Степанов. — Если можно, какой-нибудь целлофановый пакет.

Татьяна и Басков поднялись в квартиру.

Она подошла к книжным полкам, отыскала ключи на стальном колечке. Затем в кухне достала из шкафа полиэтиленовый пакет.

Когда они вернулись к машине, Степанов разговаривал с пожилыми мужчиной и женщиной, как оказалось, мужем и женой: он пригласил их быть понятыми при осмотре машины.

Басков открыл дверцу, взял сверток, развернул.

В газету «Советская Россия» был завернут молоток на длинной плоской рукоятке. Совершенно чистый молоток. Татьяна смотрела на него безразлично.

— Чей это? — спросил у нее Басков.

— Наш.

— Точно?

— Саша принес. Когда еще ремонт делали.
— Где вы его держали?
— В коридоре на полке ящик с инструментами стоит.
На первой странице газеты карандашом были написаны цифры
37 — номер квартиры Никитиной.
— И газета ваша?
— Да. Выписываю.
Газета была свежая, вчерашняя, за 6 апреля.
Басков аккуратно завернул молоток в газету, придав свертку преж-
ний вид.
Степанов взял у Татьяны пакет, развернул его. Пакет был похож на
сложенную белую рубаху с красным воротником.
— Жалко портить, — сказал Степанов. — Фирма.
— Это не фирменный, — возразила Татьяна. — Краска мажется.
Степанов потерял «воротник». На большом пальце остался красный
налет.
— И правда. Зачем такие покупать?..
— Толя подарил.
Степанов осекся.
— Простите.
— Ничего.
Степанов положил сверток в пакет.
Басков хотел уже закрыть дверцу, когда Степанов увидел: что-то
сверкнуло на резиновом полу. Нагнувшись, он поднял монету необычно-
го вида.
— Смотрите, — сказал он, — золотая.
Это была новенькая английская монета достоинством в пятнадцать
фунтов стерлингов.
Степанов обернулся к Татьяне.
— Вы видели такие у Кузьмичева?
— Никогда, — решительно ответила она, словно этот сверкающий
на солнце кружочек наконец вывел ее из полуголодного состояния.
Степанов опустил монету в пакет.
Осмотрели багажник, заглянули под капот. Ничего больше не пред-
ставляло интереса.
Положив лист бумаги на крышку чемоданчика, Степанов составил
протокол, дал подписать его понятым и Татьяне и сказал, обращаясь
к ней:
— Ну, до понедельника, Татьяна Васильевна.
— Вы пока о подробностях никому не рассказывайте, ладно? — до-
бавил Басков.

Наталя Позднякова ждала их, как можно было заметить, с тревож-
ным интересом.

— Вы догадываетесь, зачем мы приехали? — спросил Степанов.

— Мне только что звонила Таня...

— Ах, женщины! — с чуть театральной горечью воскликнул Басков.

Наталья поняла, что он имеет в виду, и сделала попытку оправдать подругу.

— Она мне только в общих чертах...

— Ваши показания имеют важное значение, — сказал Степанов, когда она пригласила их сестр к столу. — Вы не пугайтесь, но я должен предупредить вас об ответственности за дачу ложных показаний.

Она не испугалась.

— Билеты у вас сохранились?

Наталья нашла в сумочке программку и из нее вынула билеты.

— Мы возьмем их. Еще два вопроса, — продолжал Степанов. — Когда вы вчера встретились с Татьяной Никитиной?

— То есть как — когда? — удивилась Наталья. — В девять утра, на работе. Сидим в одной комнате.

— А когда расстались?

— Сегодня... Еще не было десяти.

— И днем не расставались?

Наталья задумалась на секунду.

— Ну, разве что обедали не вместе...

— А обычно — вместе?

— Да-а... Как правило...

— А что же в этот раз?

— Таня с братом встречалась. Он на машине за ней заехал.

— В обед?

— Да. Они купили обои.

Степанов и Басков переглянулись.

— Можно я от вас позвоню? — спросил Степанов.

— Если Тане, то она у соседей. В квартире боится. Я сегодня поеду к ней ночевать.

— Вы проницательный человек, — сказал Басков. — А телефон соседей знаете?

— Вот. — Наталья показала на листок из блокнота, лежавший возле аппарата.

Тактичная Наталья вышла, а Степанов набрал номер. Услышав мужской голос, попросил к телефону Татьяну. Она тут же взяла трубку.

— Простите, это Басков. Мы кое-что упустили. Вы сейчас никуда не собираетесь?

— Нет.

— Мы вернемся на минуту...

Они вернулись на полчаса. Разговаривали в коридоре стоя.

— Вы видели билет на поезд? — спросил Басков у Никитиной.

— Да. Его тоже Толя доставал.

— А какого числа?

— В среду, когда Саша телеграмму получил.

— А телеграмма отца где?

— Саша с собой взял.
— Еще мы забыли спросить адрес Толиной матери, — сказал Степанов.

Татьяна назвала адрес.

— Скажите, брат ваш где живет?
— На Комсомольском проспекте.
— Его фамилия?
— Лярин, Леонид Васильевич Лярин.
— Он кто по профессии?
— Инженер. Мы один институт кончали. Только я плановик. — Она как будто занервничала.

— А работает где?
— Строительно-монтажное управление... Номер я не знаю.
— Сколько ему лет?
— Сорок два.
— Вы ведь вчера с ним встречались?
— В обед. Купили обои, завезли ко мне. — Никитина подумала немного и спросила: — Вам Наташа сказала?

— Да.

Она облегченно вздохнула.

— В котором часу это было? — спросил Степанов.

— Часа в два.

Степанов и Басков попрощались с нею и ушли.

...Приехали в прокуратуру. В кабинете сняли плащи.

Сев за стол, Степанов сказал:

— Что же мы имеем?
— Ключей-то у Никитина никаких не нашли, — сказал Басков.
— У него вообще ничего не нашли.
— Интересно, и в театр билеты Толя доставал, и на поезд тоже.
— Чего ж особенного? Таня просила.
— Выходит, Толя сам и квартиру на свою погибель готовил, и Кузьмичеву — железное алиби... О времени смерти эксперт что сказал?

— Вчера примерно в двадцать два часа, плюс-минус час. Но это еще уточнить надо.

— Ну прикинем так. Кузьмичев заманил Никитина в квартиру его бывшей жены или застал его там, ведь ключ у Никитина был. Потом убил, взял молоток, отнес его в свою машину и отправился на вокзал. Опоздал на свой поезд — сел в другой. Поездов через Харьков много проходит.

— Складно, — согласился Степанов.

— Только с молотком полная ерунда. Оставляет в собственной машине орудие преступления.

— Полагаешь, подкинули?

— Я, Иваныч, давно тебе говорил... Какой-то умный человек сказал: предполагай, что хочешь, но верь только опыту... У нас с тобой такие случаи уже бывали...

— Ну, не совсем такие.

— Тут же еще монета. Прямая указка: вот молоток, которым убили Никитина, и вот из-за чего убили.

— Предположим, не Кузьмичев. Тогда что же, Никитин сам пришел в квартиру своего убийцу? Не силой же его затащили.

— Силой вряд ли.

Степанов сказал так, будто спорил:

— Кузьмичева все равно отработать надо побыстрее. Но, боюсь, долго искать придется. Кузьмичевых в Харькове, может, не один десяток.

— У нас есть знак для ориентировки,— возразил Басков.

Он имел в виду то печальное обстоятельство, что у отца Кузьмичева инсульт. С инсультом его могли положить в больницу. Если так, это сильно сузит круг поиска. А если и не так, то Кузьмичевы наверняка вызвали «Скорую» или неотложку, это тоже ориентир.

Степанов взглянул на часы.

— Уже шестнадцать... Значит, Леша, ты берешь на себя Харьков.

— Ну, пока...

Приехав к себе на Петровку, Басков составил телеграмму харьковскому угрозыску. Он просил срочно узнать адрес Кузьмичева Михаила (отчество неизвестно), который может находиться в больнице по поводу инсульта. И проверить, приезжал ли к нему его сын Александр.

3

Гадко было на душе у Степанова, когда он ехал к Клавдии Николаевне. Кому не приходилось этого делать, тот не поймет, каково бывает человеку, который по служебной обязанности должен сообщить матери, что ее сын убит.

Клавдия Николаевна жила в коммунальной квартире на Таганке. По довоенному обычаю на косяке двери — столбиком двухцветные, черные и белые, кнопки звонков, как клавиши-пуговицы гармошки или баяна. Под каждой приклеена бумажка с фамилией, шесть штук. Степанов нашел фамилию «Никитина» и нажал на кнопку, втайне малодушно надеясь, что ему никто не откроет.

Но дверь открылась, и он увидел полную женщину с заметно сидящими волосами, в белой кофте и черной юбке. На вид она показалась Степанову чуть старше его самого, лет пятидесяти, хотя Таня упоминала, что мать Толи — пенсионерка, значит, ей за пятьдесят пять.

Эти посторонние подсчеты, которыми Степанов отвлекал себя от неприятных мыслей, прервал удивленный вопрос:

— Вы ко мне?

— Если вы Клавдия Николаевна Никитина.

Степанов, поспешно достав из кармана удостоверение, сказал:

— Я из прокуратуры.

— Слушаю вас.— Голос ее дрогнул.

— Поверьте, Клавдия Николаевна, мне крайне тяжело... Но я должен сообщить: ваш сын убит вчера вечером.

Степанов ждал, что она упадет в обморок, собирался подхватить ее под руки, но Клавдия Николаевна отстранила его и прошептала:

— Толя убит?!

Ей все-таки стало нехорошо, она села на диван и, откинувшись на спинку, закрыла глаза, тихо повторяя:

— За что?! За что?! За что?!

— Клавдия Николаевна, может, позвать кого из соседок? — растерянно спросил Степанов.

Она выпрямилась, посмотрела на него так, словно хотела убедиться, что все это ей не пригрезилось, и сказала громко:

— Нет, прошу вас, не уходите... Где он?

— Я вам потом объясню... Скажу, когда можно забрать.

Она встала, взяла из лежавшей на столе пачки сигарету, с трудом прикурила — спичка плясала у нее в руке. Сев, показала ему на стул, он тоже сел.

— Где это произошло?

— На квартире у Татьяны Никитиной.

Она долго молчала, то ли вникая в эти слова, то ли соображая что-то свое. Наконец сказала:

— Не может быть. Он так ее любил.

В ее словах была, вероятно, своя логика, но какое теперь все это имело значение? Степанов, отправляясь сюда, не собирался расспрашивать Клавдию Николаевну о подробностях, наметив заняться этим после похорон, когда она немножко придет в себя. Но она, казалось, испытывала неотложную потребность говорить о мертвом сыне. У него было такое ощущение, что мать предчувствовала беду и еще задолго до его прихода ждала чего-то нехорошего.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Мы пока не знаем.

И тут она заплакала. Она не закрывала лицо руками, не утирала слез платком, не опускала голову.

Это было для Степанова невыносимее любых рыданий и стений, страшнее любой истерики.

— Так я пойду, Клавдия Николаевна? — сказал он.

— Если можно, посидите еще немного.

Чтобы не молчать, Степанов спросил:

— У вас есть еще кто-нибудь... дети, родные?

— Дочь... Но она далеко. Замужем за военным. — И без всякого перехода с горечью продолжала: — Я говорила, говорила, все это не к добру.

Теперь Степанов промолчал, не считая уместным задавать вопросы.

Клавдия Николаевна спросила сама:

— Вы совсем ничего не знаете про Толю?

— Знаю, он числился продавцом табачного киоска.

— Вы считаете это... ну, нарушением закона?

— По отношению к нему это уже неважно.

— Понимаю. Я тоже нарушала, сознательно... Я на пенсии, но я бухгалтер высокой квалификации, могла бы работать где угодно.

— Что же мешало?

— Он мне сын... Я не умела отказать...

Разговор шел начистоту, и Степанов забыл о своей щепетильности.

— А чем же он занимался?

— Ездил.

— Что это значит? Куда ездил? Зачем?

— Не знаю. Он никогда не говорил. Ездил на своей машине по каким-то делам... А ведь он врач, окончил медицинский...

— Простите, Клавдия Николаевна, куда же он все-таки мог ездить?

— В прошлом году прислал телеграмму из Баку, поздравлял... У меня день рождения семнадцатого июля...

— С кем он дружил?

— Помню только школьных товарищей. Институтских он сюда уже не приводил.

— Давно начал ездить?

— Три года назад ушел из поликлиники, оформился киоскером... Я так его умоляла... Двадцать девять лет, с медицинским дипломом...

— Да-а...

— Нет, он понимал, чего стоил мне его диплом, у меня ведь на руках еще и Тамара была. Одна везла, муж умер в пятьдесят восьмом. Толя не злой, а тут как подменили...

— Что ж поделаешь... Скажите, Клавдия Николаевна, у вас ключи от его квартиры есть?

— Я там убираюсь. — Она протянула руку и взяла с соседнего стула, полуприкрытого скатертью, полиэтиленовый пакет, точно такой, какой дала Степанову для упаковки молотка Татьяна, только уже потерянный. — Вам нужны ключи?

— Дело вот какое. У него ключей не нашли. А следствию необходимо осмотреть квартиру вашего сына. В интересах расследования... Вы не хотели бы присутствовать?

— Да, да, надо кое-что взять... — словно про себя прикинула она. — Его ведь надо одеть...

Клавдия Николаевна снова заплакала.

Степанов встал, прошелся от стола к двери и обратно. Сказал тихо, как можно ласковее:

— Уже одиннадцатый час, Клавдия Николаевна. Завтра трудный день. Я за вами рано заеду.

— Да, да, конечно. — Она тоже встала. — Спасибо.

— Что вы! Как можно?! — чуть не криком закричал он, искренне пораженный этим «спасибо».

Сначала Степанов заехал за Клавдией Николаевной, потом они отправились в районное управление милиции, где их ждала оперативная группа. На улице Алабяна, где жил покойный ныне Анатолий Никитин,

прибыли в девять. В воскресный день, да еще утром, нелегко найти и сговорить понятых. Поэтому в квартиру, бронированная дверь которой запиралась на три замка иностранных систем, вошли, когда было уже половина десятого.

По всей вероятности, Клавдии Николаевне не приходилось раньше видеть, как выглядит обокраденное жилье. Она взялась за сердце, прислонилась плечом к стене и постояла так, приходя в себя.

Шкафы раскрыты, посреди комнаты огромный ворох одежды, постельного белья. Тахта разобрана на части. Кресла валяются вверх ногами. Торшер с погнутым абажуром лежит на боку.

Две пожилые женщины, весьма неохотно согласившиеся быть понятыми, теперь явно не жалели, что пошли.

Оперативная группа приступила к своим обязанностям.

Даже беглый осмотр убеждал, что вора или воров интересовали не вещи, не электроника и не хрусталь. Из вороха на полу торчал воротник дубленки, черным длинным языком высовывался рукав нового кожаного пальто, рядом с торшером стоял японский кассетный магнитофон и лежал несгораемый портфель-«дипломат».

Начали составлять протокол осмотра места происшествия. Следователь из опергруппы устроился за круглым журнальным столиком.

Высвободив серую мягкую дубленку, Степанов вопросительно посмотрел на Клавдию Николаевну. Она поднялась с кресла.

— Дайте я вам помогу.

Степанов брал одну за другой вещи — пальто, костюмы, куртки, брюки, — называл и кратко определял их вид, следовательно записывал, Клавдия Николаевна вешала их на плечиках в шкаф. Вещей оказалось очень много, но работа продвигалась быстро.

Джемперы, рубахи, белье и прочее Степанов вносить в опись считал лишним. Предоставив разбираться с ними Клавдии Николаевне, он занялся техникой. Кроме магнитофона, обнаружилось три разнокалиберных радиоприемника и проигрыватель с двумя стереоколонками.

Потом он осмотрел и привел в нормальное состояние широкую тахту — сделать это ему помогли понятые.

Подойдя к письменному столу, он увидел висевший на стене увеличенный портрет — это была Татьяна Никитина. Перебрав вываленное на пол содержимое стола, он нашел паспорт и несколько блокнотов, но все чистые, без записей. В один из них была вложена порнографическая карточка. Степанов пошел в просторную прихожую.

Тут на одной стене было привинчено зеркало, а напротив — стенной шкаф, состоящий из двух отделений: верхнее — для одежды, нижнее, маленькое, — для обуви. Возле шкафа разбросаны туфли, ботинки, зимние сапоги. В верхнем отделении висели старое пальто, плащ, куртки.

Степанов ногой отодвинул в угол кожаную грудку и застыл: на полу сверкала золотая монета — червонец царской чеканки.

Понятые, со всевозрастающим интересом наблюдавшие за его действиями, тоже увидели ее, тихо ахнули.

Эксперт-криминалист несколько раз щелкнул фотоаппаратом, Степанов забрал монету и попросил его осмотреть нижнее отделение шкафа. Эксперт опустился на колени, заглянул в длинный ящик.

— Что там? — спросил Степанов.

Эксперт сунул внутрь руку и вынул узкую, по сечению ящика, фанерную дощечку.

— А на стенках набиты деревянные бруски, — сказал он. — За брусками еще вот столько места. — Эксперт показал на ладони, сколько там места, потом достал из чемоданчика сантиметр, измерил.

Глубина верхнего отделения оказалась на пятнадцать сантиметров больше нижнего. За брусками в нижнем находился тайник, прикрытый дощечкой из той же фанеры, которой была обшита вся внутренность шкафа. Нехитро, но вполне надежно.

Наконец после того, как осмотрели кухню, квартира приобрела тот вид, какой имела до кражи. Ее опечатали.

— Меня немножко смущает вот что, Клавдия Николаевна, — сказал Степанов, когда они спускались на лифте. — Ни одной фотографии.

— Они у меня, — устало ответила она. — Были у Тани, Толя почему-то не забирал, а под Новый год мне привезла. Ее теперешний, она говорит, ревнив.

— Я бы взял их у вас на время, если можно.

— Но только на время.

— Не беспокойтесь. Из вещей сына ничего не пропало?

— По-моему, все в целости.

Вышли из подъезда.

— А где его машина? — спросил Степанов.

Перед домом был разбит сквер, огороженный низким заборчиком, вдоль которого стояли в ряд автомобили. Клавдия Николаевна оглядела их и показала на бежевые «Жигули».

— Давно у него машина? — спросил он.

— Эта? Кажется, года два. Раньше был «Москвич».

При осмотре машины ничего достойного внимания не нашли. Степанов записал в блокнот показания счетчика километров на спидометре — 98144.

Он отвез Клавдию Николаевну домой на Таганку, и она дала ему толстый конверт с фотографиями.

Утром в понедельник Басков получил по телетайпу телеграмму из Харькова. В ней сообщался адрес Кузьмичева Михаила Ивановича — он жил не в городе, а в пригородном поселке, в собственном доме. В больницу его не положили: отказался. А дальше такой текст: «Его сын Кузьмичев Александр Михайлович прибыл в Харьков вечером в субботу. У него предплечье левой руки в гипсе, руку носит на перевязи. В настоящее время находится в доме отца».

Текст этот все путал.

Во-первых, если Александр Кузьмичев уехал из Москвы вечером в пятницу, то в Харьков должен был приехать в субботу не вечером, а утром. Харьковский поезд № 19 (не проходной, а специально харьковский) отправляется из Москвы в 21.05 — в девять с чем-то, как сказала Никитина, — и прибывает к месту назначения в 8.33.

Во-вторых, откуда гипс? Татьяна Никитина ни словом не обмолвилась о сломанной руке. Более того, она сказала, что Кузьмичев не захотел ехать на своей машине. Одно дело — «не захотел», совсем другое — «не мог». Какая уж тут езда со сломанной рукой! Из разговора с Никитиной можно понять, что она не видела Кузьмичева с гипсом, а расстались они утром в пятницу, когда Никитина ушла на работу. Значит, что же получается? Кузьмичев повредил руку в промежутке между утром пятницы и субботним вечером. Где это произошло?

Басков узнал в справочной Аэрофлота расписание самолетов на Харьков и позвонил Степанову.

— Здорово, Иваныч. Лечу в Харьков. Ближайший рейс в пятнадцать сорок пять, времени много, надо бы встретиться. У меня кое-что новенькое есть.

— У меня тоже. Приезжай. Я Никитину вызвал.

Через час Басков был на Новокузнецкой. Степанов сидел в кабинете один, что-то писал.

— Уже отпустил? — удивился Басков, имея в виду Никитину.

— Задерживается немного. Ну что?

Басков сел, закурил и слово изложил ту часть телеграммы из Харькова, которая относилась к Кузьмичеву-младшему.

— Где ж он руку-то сломал? — сказал Степанов.

— С качелей упал, наверно, — мрачно пошутил Басков.

— Может, все-таки не подбросили молоток?

— А я разве говорил — подбросили?

— Ну, не говорил, а намекал Или думал.

— Ладно, не подначивай, Иваныч. Как у тебя?

Степанов не торопясь открыл сейф, взял две золотые монеты, запечатанные в маленьких прозрачных пластиковых пакетиках, помеченных цифрами 1 и 2, и небрежно бросил их на стол перед Басковым.

Басков показал на сейф.

— Инкубатор?

— Они размножаются методом почкования.

— А вторая откуда?

Степанов взял пакетик с цифрой 2.

— Лежала прямо у тайника. У Никитина в квартире. Чтобы тот, кто будет делать осмотр, не тратил время зря.

— Вот видишь. А подначиваешь...

— И я тут же решил: в машину Кузьмичева и молоток, и монету подбросили.

— Чего ж меня критикуешь?

— Тебя не я, а телеграмма критикует. Кузьмичев-то в Харьков суб-
ботним вечером приехал. А надо бы утром.

— Мать при осмотре была?

— Да.

— Что взяли?

— Только ковырнули тайник.

— Подбор? Взлом?

— Какой подбор! Там секрет и три таких запора — почище любого сейфа.

— Значит, еще одна монета, и больше...

— Подожди, — перебил Степанов. — Есть еще кое-что...

Степанов рассказал о разговоре с Клавдией Николаевной. Окончив рассказ, он достал из сейфа пакет с молотком, показал Баскову.

— И еще вот это.

— Молоток, что ли?

— Пакет.

— При чем здесь пакет? — не понял Басков.

— Точно такой же я видел у Клавдии Николаевны.

— Ну и что? Никитин принес... Мать и бывшая жена. Кому ж еще и нести?

— А у самого Никитина в доме ни одного такого пакета.

— Зачем он мужчине?

— Но ты помнишь, что сказала Никитина?

— Она много чего говорила.

— Пакеты не фирменные, не настоящие.

— Ну и что?

— Где их брал Никитин? Кто их делал?

— Думаешь, есть связь?

— А черт его знает... Меня, видишь, почему-то удивляет, что у Никитина в доме ни одного пакета... И потом вот какая вещь. Никитин все время катался по стране. У него «Жигули». За два года накрутил девяносто восемь тысяч. Представляешь?

— Тебе с монетами забот хватит... Может, он ради них и катался...

— Не спорю. И еще вот что: почему Никитин приехал на Профсоюзную не на своей машине?

— А почему обязательно не на своей?

— Она перед его домом стоит.

— Разве трудно было перегнать?

— Время, время нужно. А где у Кузьмичева лишнее время? — возразил Степанов.

— Было время, раз он в Харьков приехал не утром в субботу, а вечером.

— В общем, пока сплошная каша.

— А что с братом? — спросил Басков.

— Следователь райуправления допрашивал, проверял. Инженер. Работает в строительно-монтажном управлении. Отец семьи, двое де-

тей. Насчет обоев все верно. В пятницу вечером у него были гости. Он развез их по домам в двенадцатом часу ночи.

— А обои где?

Безуспешно стараясь придать лицу официальное выражение, Степанов сказал:

— Слушайте, старший оперуполномоченный, кто тут главный — вы или следователь по особо важным делам? Кто тут кому задает вопросы?

— Но все же где обои?

— У Никитиной дома.

Дверь приоткрылась, и женский голос спросил:

— Можно?

Это была Татьяна Никитина. Басков уступил ей место у стола, сам сел на стул в углу.

Никитина выглядела неважно, испуг до сих пор не исчез из ее глаз.

Степанов не готовился к встрече с нею специально, как он обычно готовился к допросам, не вырабатывал тактику, поэтому сказал первое, что пришло в голову:

— Татьяна Васильевна, я разговаривал с Клавдией Николаевной. Она была вполне откровенна, но... как бы это сказать?.. В общем, чаще всего матери знают о своих сыновьях меньше, чем жены их сыновей. А нам в интересах дела надо знать об Анатолии Никитине как можно больше. Вы долго были за ним замужем?

— Шесть лет.

— Дружно жили?

— Не пьянствовал, не гулял.

— Клавдия Николаевна говорит, он вас любил.

— Я в этом никогда не сомневалась.

— Почему же разошлись?

— В последние три года он сильно изменился.

— С тех пор как ушел из поликлиники?

— Да.

— В чем это выражалось?

— Мне трудно объяснить...

— Стал часто уезжать из дому?

— И это тоже. Но это не главное.

— А куда он ездил?

— Больше на юг... Иногда в Прибалтику...

— А зачем?

— Он все время что-нибудь придумывал. Врал.

— Это и есть главное?

— Для меня — да.

Необходимость отвечать на вопросы ослабила напряжение, которое сковывало Никитину, когда она только вошла.

Басков сказал:

— Один мой приятель утверждает, будто женщина может простить человеку что угодно, если он ее любит.

— За других женщин не ручаюсь. По-моему, нельзя жить с человеком, который тебе все время лжет.

— Татьяна Васильевна, у него были друзья? — спросил Степанов.

— Когда работал врачом, была дружная компания.

— Собирались?

— Даже отдыхать вместе ездили. — Она замолкла, словно припоминает. — А потом он всех как-то отвалил. Новые интересы появились.

— А именно?

— Деньги зарабатывать начал.

— Ну, лишние деньги никогда не мешают.

— Какие лишние? В табачном киоске? Да он там и не сидел. — Было такое впечатление, что она заново переживает давний спор. — Ну ладно, в конце концов я решила — твое дело, киоск так киоск, хотя это же патология какая-то — здоровый, молодой мужчина с дипломом врача пошел в киоскеры... Но я же не девчонка. По две тысячи в месяц честно зарабатывать нельзя.

— Почему именно по две?

— Он так говорил.

— Каким же образом он их зарабатывал?

— Не имею ни малейшего представления. Не интересовалась, а он тем более не докладывал.

— А из новых друзей его никого не знаете?

— Он мне их не показывал.

Степанов достал из сейфа толстый конверт с фотографиями, вынул их.

— Это мне Клавдия Николаевна дала. А ей передали вы. Посмотрим вместе. Расскажите, кто здесь кто.

Никитина взяла пачку карточек из рук Степанова, перевернула три или четыре и сказала:

— Я вас понимаю. Эти фото я знаю наизусть. Последнее сделано года четыре назад. Так что новых его друзей здесь быть не может.

Степанов улыбнулся.

— Хорошо, когда люди понимают друг друга с полуслова.

Он убрал фотографии в сейф и попросил:

— Теперь, будьте добры, расскажите об Александре Кузьмичеве.

Она вся как-то подобралась.

— Что вас интересует?

— Буквально все.

— Биография?

— И биография.

Никитина замялась, опустила глаза и спросила:

— Скажите, та монета... Это серьезно?

— Забудьте про монету. Будем говорить о Кузьмичеве.

— Вы знаете, он имеет судимость.

— За что?

— Подрался. Это давно было, лет пятнадцать назад. Саша очень сильный. Кого-то больно ударил. Но он не сидел, приговорили условно.

— Это в Харькове было?

— Да.

— Ну и потом?

Разве бывают у десантников танки?

— Конечно, бывают,— улыбнулся Степанов.— Ну и дальше?

— После армии поступил на завод Лихачева. У него несколько грамот есть, я видела. Комнату дали. А потом перешел в шоферы.

— Как он по характеру?

— Очень спокойный. Он вообще простой человек.

— Не ревнивый?

Она немного смутилась.

— Сцен не устраивает. Так, помолчит денек и отойдет.

— Вы говорили, Саша и Толя знали друг друга. Вы их сами познакомили?

— Толя пришел однажды, принес цветы, а у меня сидел Саша. Толя о нем еще не знал.

— А на стороне они встречаться не могли?

— Ну что вы!

Вмешался Басков:

— А у вашего брата с вашим бывшим мужем какие отношения были?

Вопрос оказался неприятным. Опустив глаза, она ответила:

— Они не дружили.

— Почему?

— Интересы разные.

— В каком смысле?

— Ну... Брат, например, не признает левых дел.

— А муж признавал?

— Я же вам объясняла: Толя пошел в киоскеры, а сам...— Она не докончила — не нашлась, как выразиться лучше.

— Понятно,— сказал Степанов.— Брат ваш, стало быть, не любил Толю?

Она слегка поморщилась.

— Это неверно. Он просто считал, что мы не пара.

— Прямо так и говорил вам? — Степанов хотел прибавить, что это, мол, было бы со стороны брата бестактно и бездушно, но воздержался от нравоучительных изречений.

Однако Никитина словно услышала не произнесенные им слова и, кажется, обиделась за брата.

— Ленья мне как отец... Наши родители умерли двадцать лет назад... Он меня вырастил...

Басков развеял возникшую неловкость, резко переменив направление:

— Скажите, Татьяна Васильевна, Саша был здоров перед отъездом?

— Он вообще ни разу не болел.

— И руки-ноги целые? — Степанов как бы шутил.

Она встревожилась.

— Конечно. А что случилось?

— Нет-нет, все в порядке. Спасибо вам, Татьяна Васильевна, за помощь.

— Я могу идти?

— Да. Всего доброго,— сказал Степанов.

Когда она вышла, Басков сказал меланхолично:

— Вполне приличная женщина. Расчетливая.

Будь на месте Степанова кто-нибудь иной, он бы совсем не понял Баскова, он бы решил, что Басков сам себе противоречит. Как же так: приличная и расчетливая? Не вяжется...

Степанов все понял, но они с Басковым даже в посторонних вопросах строго придерживались всеобщего профессионального рабочего обычая: если один выдвигал какой-то довод в доказательство своей правоты, другой старался всеми доступными способами этот довод разбить. У них это называлось проверкой на прочность. Потому Степанов возразил:

— Конечно, приличная, но почему расчетливая? Не терпит лжи, не желает пользоваться нечистыми деньгами.

— А ты никогда не думал, что приличие тоже может быть расчетливым? Толю она из болота не очень-то тащила, а деньгами его не соблазнилась потому, что боялась — сама завязнет. А Саша на твердой почве стоит, и деньги чистые.

— Если. Если на твердой.

— Она считала — да. Но заметь: к услугам Толи она все-таки прибегала.

— Знаешь, Леша, я плохой моралист. Ты лучше скажи: как тебе это нравится — Саша-то судимость имеет.

— Пока все одно к одному.

Они договорились, что при надобности будут держать связь через харьковский угрозыск.

6

В харьковском аэропорту Баскова встретили товарищи из угрозыска, оба помоложе его. Они были на машине.

— Заедем к нам? — предложил один из них, с усиками, когда тронулись.

— Младший Кузьмичев дома? — спросил Басков.

— Был дома.

— Тогда прямо туда.

— Будем брать?

— Пока нет оснований. Поговорить надо, — сказал Басков и, подумав, прибавил: — Отца тревожить не хочется. Как-нибудь вызвать бы Кузьмичева на улицу...

— Устроим.

...Они остановились, не доезжая метров пятьдесят до дома Кузьмичевых. Оперуполномоченный с усами вышел и открыл калитку в низком заборе, за которым старик вскапывал палисадник. Они коротко поговорили, старик воткнул лопату в землю и пошел к дому Кузьмичевых.

Через несколько минут он появился на улице в сопровождении крупного, черноволосого молодого человека в пиджаке внакидку. Левая рука его покоилась в цветастом женском платке, треугольником свисавшем с шеи.

Когда он приблизился, Басков увидел, что скуластое лицо его невесело, брови сдвинуты, глаза прищурены — в общем-то то же лицо, что и на фотографии, незлое, спокойное, но как будто постаревшее.

Басков вышел из машины. Подойдя, Кузьмичев поздоровался первым и протянул правую руку. Басков пожал ее.

— Неохота в Тулу, — сказал Кузьмичев. — Верней, не ко времени. Батю ломает.

— Почему в Тулу?

— Ну вы ж из милиции?

— Но не из Тулы. — Басков показал удостоверение.

— Уже перевели этого обормота? — спросил Кузьмичев.

Они говорили на разных языках, и Басков предложил:

— Давайте, Александр Михайлович, съездим на час в город, там потолкуем в спокойной обстановке.

На лице Кузьмичева появилось озабоченное выражение.

— Вас обратно доставят, — сказал Басков.

— Ну, давайте, — согласился Кузьмичев.

Басков открыл ему переднюю дверцу, а сам потеснил своих товарищей на заднем сиденье.

— Что с рукой? — спросил Басков.

— Сегодня второй рентген делали. Лучевая раздроблена. Но осколки вроде правильно уложены.

— Болит?

— Терпимо.

Оперативник с усами предоставил в их распоряжение свой кабинет.

— Вас в Тулу хотели вызвать? — спросил Басков.

Он уже решил, что не станет трогать московское дело, пока не поймет, при чем здесь Тула. Все повернулось неожиданно.

— Ну да. Сказали, может, придется, — ответил Кузьмичев.

— Расскажите мне, пожалуйста, как все это произошло, — попросил Басков.

В общих чертах это выглядело так.

В поезде на Кузьмичева напали трое — двое молодых, но здоровенных парней, а третий гораздо старше, тот, что ехал с ним в одном купе. Это было в тамбуре, куда Кузьмичев вышел покурить вместе с соседом. Парни появились чуть позже. Хотели ограбить. Старший ударил Кузьмичева финкой. Он метил в живот, но Кузьмичев успел подставить левую руку, а правой дернул стоп-кран. Старший и один из малолеток

спрыгнули и убежали, а другого малолетку Кузьмичев сумел задержать. Его забрала в Туле милиция. Он оказался москвичом.

Вот, собственно, и все.

— Как выглядел ваш сосед по купе?

Кузьмичев пожал плечом.

— Симпатичный. На спортсмена похож.

— А у вас было что грабить? — спросил Басков.

— Да ну! — махнул здоровой рукой Кузьмичев. — Две сотни каких-то. А они, гады, с финкой.

— Бывают и такие — за червонец пырнут.

— Встречал, — мрачно сказал Кузьмичев.

— Билет случайно не сохранился?

— Я ж его проводнице отдал.

Басков соображал, как поступить. Ему было совершенно ясно, что не следует сейчас заводить речь об убийстве Никитина. Кузьмичев думает, что он приехал по делу о разбойном нападении в поезде, и пусть себе думает.

Малолетка, задержанный Кузьмичевым, судя по всему, должен находиться в руках отдела милиции на транспорте. Значит, надо ехать в Тулу.

Но один каверзный вопрос, касавшийся Москвы, надо было задать — для того, чтобы посмотреть, как среагирует Кузьмичев.

— Вы никаких ключей не теряли? — спросил Басков. Он думал при этом о ключах от квартиры Никитина, которых не обнаружили при убийстве.

Кузьмичев не смутился, не насторожился.

— Я всю связку Семеновым оставил. Как Таня просила.

Ну что ж, капканчик был поставлен не на той тропе. Надо будет только проверить, правду ли сказал Кузьмичев и в котором часу он отдал ключи Семеновым.

— У вас какие планы? — спросил Басков.

— Отпуск взял до двенадцатого. Тринадцатого буду в Москве. Врочас сказал, батя вынырнет. Не скоро, но поправится.

— Я вас в Москве найду. А сейчас езжайте домой.

...Ему подобрали такой поезд, чтобы Басков приехал в Тулу утром, но не слишком рано. По дороге он долго подвергал сомнению свои действия, но в конце концов пришел к убеждению, что все в порядке.

Кузьмичев, как сказала о нем Никитина, был и правда простым человеком, но не производил впечатления простачка. Скорее всего он ничего не выдумывал в своем рассказе о происшествии в поезде. Но у Баскова сразу возник и уже не отпускал его вопрос: что такое это нападение, совершенное в тот же вечер, когда был убит Никитин? Случайное совпадение или два события, связанные друг с другом?

Если случайность, это ничего не прибавит. Если есть какая-то связь, можно считать, что розыск вышел на главную магистраль, ведущую прямо к раскрытию преступления.

Роль Кузьмичева остается неясной, и подозрения с него снимать никто не имеет права, но Басков был уверен, что действует правильно. Во всяком случае, риска нет: Кузьмичев никуда не денется. И к тому же в пользу Кузьмичева говорил неоспоримый, но пока не поддающийся объяснению факт: он задержал одного из нападавших.

...В отделе милиции на транспорте Басков представился начальнику, объяснил, зачем приехал, а тот вызвал оперативного уполномоченного Лосева, занимавшегося Андреем Брошиным, тем самым малолеткой, которого задержал Кузьмичев.

По дороге в кабинет Басков спросил, как успехи, не удалось ли выйти через Брошина на кого-нибудь еще.

— Мы вчера второго взяли, Брошин адрес дал,— сказал Лосев.

— Тоже малолетка?

— Да. Касимов Борис. Но путей к «Тренеру», сдается мне, малолетки не дадут. Там связь была односторонняя.

— А тренер — это кто?

— Старшой их.

Зашли в кабинет, Басков попросил протоколы допросов. Он искал ответ на вопрос: когда Брошина пригласили участвовать в ограблении пассажира? Ответ был, но это не ответ: «Не помню».

Басков прочел протоколы, и они пошли в изолятор.

Брошин и Касимов содержались в разных камерах. Басков начал с Брошина.

Лосев привел в маленькую комнату высокого, белобрысого парня, не по возрасту рыхлого, с мясистым лицом. Глядел он как-то безразлично, будто все это его не касалось. Синяя стеганая куртка из болоньи была без единой пуговицы.

— Садись, Брошин,— пригласил Басков, показав на табуретку.

Тот сел на нее, как в седло, верхом.

— Ну, давай по порядку.

— Уже два раза рассказывал,— хрипловатым баском недовольно пробурчал Брошин.

— Ничего, и в пятый расскажешь. Начинать с того дня, когда с тренером познакомились.

— Ну что? Ну сидели мы с Мирзой, с Борькой Касимовым то есть, в Измайловском, на траве отдыхали. Мирза на гитаре играл. Идет мимо тренер Кость. Здорово.—Здорово. Тоска? Тоска. Выпьем? Выпьем.

— Подожди. Почему вы его тренером Костью зовете?

— На спортсмена похож или на тренера. Мы его еще играющим тренером звали. И одет-обут в «Адидас». А Кость потому, что он Костя.

— Раньше не встречались?

— В глаза не видали.

— Это когда было?

— В прошлом году, в сентябре.

— Сколько ему лет?

— А я знаю?

— Ну вот твоему отцу сколько?

— Сорок.
— А тренер старше или моложе?
— Ясно, моложе.
— Дальше.
— Он дает два червонца, говорит: возьмите пару водки и чего-нибудь зажевать. Ну, мы пошли, он на траве остался. Там в винном отделе тетка Зина водку всем отпускает. Взяли две бутылки, ну и посидели.
— А что «Тренер» про себя говорил?
— Жизнь не задалась. Играл в футбол в команде мастеров. Нарушал режим. Отчислили. Сейчас зато на хлебном деле, в торговле, а где — не уточнял.

— Дальше.
— А что дальше? Мирза ему свой телефон дал. Кость зимой звонил, встречались, в шашлычную ходили.
— За что же он вас угощал?
— А просто так.
— Ничего не предлагал?

Брошин поглядел на зарешеченное окно.

— Вот предложил.
— Вспомни, Брошин, когда «Тренер» позвал тебя съездить в поезд, — сказал Басков. — Я протоколы допросов читал. Ты говоришь — не помню. Но это ж не в прошлом году было. Сегодня десятое апреля, вторник. Арестовали тебя ночью в пятницу, с пятницы на субботу. Неужели забыл, как тебя «Тренер» приглашал?

Брошин не представлял себе, какую важность имеет этот вопрос для сидевшего за столом напротив него дяденьки, чем-то похожего на его отца, только без пьяной ухмылки и чуть помоложе.

— Сегодня десятое? — не поверил Брошин.

— Нет, тридцать девятое.

— Пятого было.

Пятое апреля — четверг. Толя принес билет на поезд для Кузьмичева в среду.

— Это точно? — спросил Басков.

— Чего мне врать, — сказал Брошин.

— А ты этого, на кого нападали, раньше видел?

В первый раз за весь разговор Брошин проявил какой-то интерес к собственной судьбе.

— Не нападал я! Мы двери держали, чтобы кто в тамбур не зашел.

— Но знал ты его или нет?

— Откуда? Его нам Кость показал. У поезда.

Если Брошин не врал, нападение на Кузьмичева этот «Тренер» готовил еще за день. И главное, у него был билет в то же купе. Но тогда что же получается?

Баскову представились очень явственно его недавние рассуждения о деле, и он должен был признать себе, что его мысленный график никуда не годится. События связаны. Но как теперь отвечать на вопрос, от которого не уйдешь: зачем было Кузьмичеву задерживать Брошина,

если он, Кузьмичев, сам замешан в убийстве на Профсоюзной? И почему «Тренер» хотел убить Кузьмичева? В том, что это была не попытка ограбления, а покушение на убийство, сомневаться не приходилось. И как объяснить связь двух событий, если «Тренер» знал Кузьмичева, а Кузьмичев «Тренера» не знал? Кто-то хотел свалить на Кузьмичева убийство Никитина? Но когда они приехали на вокзал, Никитин был еще жив. Значит, «Тренеру» было известно о том, что произойдет с Никитиным, еще в четверг, когда он предложил Брошину и Касимову совершить поездку?

Басков отправил Брошина в камеру и попросил привести Бориса Касимова — Мирзу, как звал его Брошин.

Этот семнадцатилетний парень внешне резко отличался от своего друга — сухой, быстроглазый; прямой, смелый взгляд и непринужденная осанка. Скорее всего он был заводилой в этом содружестве начинающих собутыльников.

Историю знакомства с «Тренером» и их дальнейшие отношения Касимов изложил точно, как Брошин. Развитие событий в поезде — тоже. Он подтвердил, что «Тренер» предложил им поездку в четверг, 5 апреля.

Но между друзьями имелось важное различие: Касимов сумел убежать вместе с «Тренером». О том, что произошло дальше, записано в протоколе допроса, однако Баскову нужно было услышать все от самого Касимова.

— Машина ждала вас в Туле? — спросил он.

— У автовокзала, — живо уточнил Касимов.

— Вы спрыгнули с поезда километров за десять до Тулы. На что надеялся «Тренер»?

— Побежали к шоссе, потом пошли на Москву. Кость сказал, он нас нагонит.

— Кто — он?

— Который на машине.

— Что говорил «Тренер»? Какие планы?

— Сказал — ша, долго не увидимся. Он мне позвонит, когда можно будет. И чтоб ни гугу.

— Вот что, Касимов: вы с Брошиным считали «Тренера» человеком денежным, он на вас не жалел. Зачем же ему грабить, рисковать? Он ведь в торговле работает.

— Это Тюфяк верит про торговлю, а я нет. Может, Кость всегда так деньги добывал.

— Кто такой Тюфяк?

— Брошин.

— Ну, хорошо, идете вы на Москву...

— Нагнал белый «Жигуль», Кость поднял руку, сели.

— Та самая машина?

— Да.

— Как выглядел водитель?

— Я сзади сидел... В машине темно... Чего увидишь?

— Машина какого цвета?
 — Белая.
 — О чем они говорили? — без надежды спросил Басков.
 — А ни о чем. Тот спросил, почему к автовокзалу не пришли,
 а Кость говорит, спроси у петуха, почему он не несется.
 — Тот, значит, не в курсе был?
 — Вроде так.
 — Ну, а потом?
 — Потом я уснул. Кость меня разбудил на Добрынинской площади, еще метро не ходило. Сунул деньги, целый стольник червонцами, сказал — пока, как-нибудь свидимся. И высадил.
 ...Касимова увели. Басков отправился к Лосеву.
 Тот ждал его.
 — Спасибо, Володя, побеседовал, — сказал Басков. — Слушай, этот пострадавший Кузьмичев когда от вас выехал?
 — Утром. В травматологию возили, потом допрашивали. Всю ночь канителились. Я сам его и отправил. Могу уточнить.
 — Не надо. — И, закурив, Басков добавил: — Этих мальцов надо к нам в Москву перевозить. Я завтра оформлю. На поезд меня устройшь?
 — О чем речь!
 — Еще вот что. Если проводников с того поезда разыскать, билетов уж у них, наверное, нет?
 — Командированным они возвращают, остальные выбрасывают.
 — Ну, конечно, наивный вопрос. Но все-таки не в службу, а в дружбу: разыщи проводников девятого вагона, вдруг у них билеты сохранились?
 — Сделаем.
 Поколебавшись, Басков сказал извиняющимся тоном:
 — В протоколах записано: «Тренер» где-то между Подольском и Серпуховом сумку выбросил... Вдруг найдется? Хотя это из области фантастики...
 Из того, что он услышал от Кузьмичева и от двух злополучных друзей, если все трое говорили правду, складывалась цельная картина происшествия в поезде.

Телеграмму от сестры о том, что у отца инсульт, Александр Кузьмичев получил утром в среду — она пришла на адрес Татьяны. Он тут же решил, что поедет в Харьков. Но ему нужно было на базу — посмотреть, как идет дело: его грузовик стоял на профилактике. Поэтому он позвонил Татьяне на работу, попросил купить билет на поезд, объяснив про отца. Это не было трудно: курортный сезон еще не наступил, да к тому же ходит специальный харьковский поезд № 19. Вечером она принесла билет.

В четверг ему отпуск оформили.

В пятницу утром он отвез Татьяну на работу, они попрощались до тринадцатого апреля, так как вечером она шла в театр, а сам поехал в ГУМ — купить кое-что из вещей для сестры и двух младших братишек.

Потом он заехал на базу, посмотрел, как идет ремонт, и отправился домой, на Профсоюзную. Поставил во дворе машину на обычное место, недалеко от мусорных баков, сходил за сумками, уложил покупки, запер машину и, вынув из почтового ящика газету «Советская Россия», поднялся в квартиру.

В прихожей возле трюмо лежали на полу, как охапка дров, связанные бечевкой обои.

В кухне на столе он увидел записку от Тани: «Положи обои на антресоли». Не забудь оставить свои ключи Марье Николаевне, а то еще потеряешь. Целую. Т.».

Было уже четыре часа. Он убрал обои, разогрел обед, плотно поел и упаковал чемодан, который получился порядочно тяжелым. Потом прилег на диван-кровать...

Проснулся в семь, умылся, надел плащ, взял чемодан, запер квартиру и отдал ключи Семеновым.

Ему повезло быстро поймать такси, на Курский вокзал он приехал даже с запасом. Он не обратил внимания, покуривая сигарету на перроне в ожидании, когда подадут состав, как мимо него прошел мужчина лет тридцати с сумкой на плечевом ремне в сопровождении двух парней и как все трое внимательно посмотрели на него.

И тем более не мог он услышать, о чем они говорили, отойдя подальше.

А разговор происходил такой.

— Видели лба? — сказал «Тренер».

— Так что? — сказал Тюфяк лениво. — Чемодан большой.

— У него и деньги большие.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мирза.

— Не имеет значения. У вас коленки не дрожат?

Парни храбрились, но «Тренер» отлично, должно быть, видел, что все предстоящее не кажется им завлекательным.

— Посмотрим, как сложится, но у вас судьба — позавидовать можно. Действовать буду я, а вы — смотреть.

— Как это? — не поверил Тюфяк.

— Имей терпение.

«Тренер» достал из кармана два билета.

— Вот, возьмите. Поедете в одиннадцатом вагоне. Я буду в девятом. Ждите, приду, когда надо. Расходимся.

В купе устраивались, рассовывая и раскладывая свой багаж, немолодые женщина и мужчина, видно, что супруги. Кузьмичев, подождав, пока они управятся, поздоровался и легко кинул тяжелый чемодан в верхнюю нишу.

Отерев раскрасневшееся лицо платочком, женщина спросила:

— Вы до Харькова?

— Да, — ответил Кузьмичев.

Тут пришел четвертый их сосед — молодой, лет тридцати, симпатичный, хорошо одетый мужчина спортивного вида, с сумкой на ремне.

— Добрый вечер, — приветствовал он всех разом. — Будем попутчиками. У меня шестое место, значит, на верхней полке.

Он положил на нее сумку и присел рядом с Кузьмичевым.

Поезд тронулся.

— В командировку? — поинтересовался «Тренер» у Кузьмичева.

— Да нет, к отцу. Паралич разбил.

— Сочувствую.

Помолчали. Потом «Тренер» предложил Кузьмичеву:

— Не выпить ли нам? Я коньячку прихватил.

— Спасибо, не хочется.

— Жаль. Одному неудобно.

«Тренер» как бы задумался.

Кузьмичев, сидевший за столиком, встал, уступая место.

— Не стесняйтесь. Садитесь сюда.

«Тренер» остановил его:

— Нет-нет, благодарю. Есть другой выход. Я тут знакомого встретил, в соседнем вагоне едет. Он, думаю, не откажется.

«Тренер» взял сумку, спросил у мужа с женой:

— Вы рано ложитесь?

— Куда спешить? — откликнулась жена. — Выспаться успеем. Раньше полдевятого все равно не сойдешь. Мы еще ужинать будем.

— Ну, тогда я вас не потревожу, — сказал «Тренер» и ушел, захватив свою сумку.

В одиннадцатом вагоне, плацкартном, он нашел Мирзу и Тюфяка, кивнул им незаметно, проходя, чтобы вышли за ним, дождался их в тамбуре.

— Теперь встряхнитесь, — сказал он жестко, голосом, какого они прежде никогда от него не слышали.

Он расстегнул сумку, в которой булькал в бутылке коньяк, достал финку в потертых кожаных ножнах, сунул в карман брюк. Потом вынул из внутреннего кармана пистолет ТТ, а сумку отдал Мирзе. «Тренер» извлек из рукоятки пистолета обойму, поставил его на взвод — так, что ствол обнажился на длину фаланги пальца, сунул ствол в скважину замка, открыл дверь — правую по ходу поезда. Взял у Мирзы сумку и швырнул ее в темный проем.

Заперев дверь, посадив обойму на место и спрятав пистолет, он сказал:

— Проедем Серпухов, и через час идите в мой вагон. Я буду курить с этим вахлаком в тамбуре. Ты, Тюфяк, держишь внутреннюю дверь, а ты, Мирза, — переходную, на площадку. Чтобы никто не вошел. Остальное — моя забота. Попрошу — поможете. Главное, все должно быть быстро. Зевнем — сгорим.

Они слушали, молчали, глядя в пол. Тюфяк шмыгал носом.

— И не финтить, — сказал «Тренер».

Мирза с Тюфяком остались в тамбуре.

«Тренер» вернулся в свой вагон. Кузьмичев стоял в коридоре у окна. В купе муж с женой уже разложили на столике еду. Проводница разносила постельное белье.

«Тренер» и Кузьмичев взяли себе по комплекту, положили на полки, и «Тренер» предложил:

— Пойдем покурим, что ли?

— Идемте, — согласился Кузьмичев.

В тамбуре они разговорились. «Тренер» больше спрашивал. Кузьмичев рассказал о себе, о своей жизни вплоть до прошлого года. О Татьяне Никитиной, о своих отношениях с нею он все же умолчал, хотя был вполне откровенен во всем остальном.

Долго они говорили. Выкурили по одной сигарете, потом по другой.

В вагон вернулись, когда проехали Серпухов. Проводницы давно разнесли чай, и его уже успели выпить. Их соседи окончили ужин и застилали свои полки.

— Спать что-то не хочется, — сказал «Тренер», поглядев на часы.

— Мне тоже, — отозвался Кузьмичев.

— Может, выпьем чаю?

«Тренер» пошел к проводницам. Кузьмичев слышал, как они недоброжелательно ворчали на него, мол, надо вовремя думать, а не на ночь глядя, но два стакана чаю все же налили, и Кузьмичев с «Тренером» пили его, стоя у окна в коридоре.

«Тренер» вспоминал о своих золотых временах, когда играл в футбол за команду мастеров, о дурацком случае с пьянкой, за которую его отчислили.

Кузьмичев искренне сочувствовал и смотрел на него с почтением.

Поглядев в очередной раз на часы, «Тренер» вновь предложил:

— Покурим?

Пошли в тамбур.

Кузьмичев встал спиной к выходной двери. «Тренер» стоял напротив.

Когда выкурили по первой сигарете, в тамбуре со стороны десятого вагона появились два парня. Кузьмичев взглянул на них мимолетно, но тут в несколько секунд произошло то, чего он никак не ожидал.

Тюфяк встал у двери на переход. Мирза — у ведущей в вагон.

В руке у «Тренера» появилась финка.

Он снизу вверх ударил Кузьмичева в живот, целя чуть правее, туда, где печень.

Кузьмичев не мог бы объяснить, каким образом он успел подставить левую руку. Удар пришелся в предплечье, немного выше запястья.

Правой рукой он дернул ручку стоп-крана, которая была на стенке справа от него.

Их всех четверых бросило на другую сторону.

«Тренер» что-то кричал, но разобрать было невозможно: пронзительный стонущий визг колес резал уши. Пол дрожал под ногами.

«Тренер» кинулся к противоположной двери, распахнул ее и выпрыгнул. Мирза следом. Поезд уже почти совсем застопорил ход.

Тюфяк хотел прыгать, присел на корточки, но Кузьмичев, подскокив, схватил его всей пятерней за лохматые волосы.

Так и застали их прибежавшие в тамбур начальник поезда с двумя рослыми проводниками.

Начальник, увидев кровь, капавшую у Кузьмичева из рукава, крикнул проводнице, чтобы принесла аптечку.

Пока она заливала рану йодом и перевязывала руку, Кузьмичев объяснил начальнику, что произошло.

Начальник приказал проводникам стеречь Тюфяка и никого в тамбур не пускать, а сам куда-то ушел.

Минут через десять поезд тихо тронулся, а еще через пятнадцать прибыл в Тулу.

На перроне их ждали милиционеры.

Кузьмичева и Тюфяка посадили в две разные машины.

Тюфяк поехал в милицию. Кузьмичева повезли в больницу.

Сделали рентген, обработали рану, хирург вместе с сестрой приготовил гипс и облепил предплечье, оставив ложбину над раной.

Только тогда почувствовал Кузьмичев саднящую острую боль, когда сели в машину и поехали, как выразился сопровождавший его лейтенант, «на свидание с лохматым оборотом».

8

Не было и четырех, когда Басков приехал в Москву.

С Курского вокзала, из комнаты милиции, он позвонил Степанову, но прямой его телефон не отвечал. Секретарша же сказала, что Степанов утром улетел в Таллинн, будет завтра.

Басков сел в троллейбус и поехал к себе домой, на Новослободскую, — он был голодный, надо бы пообедать.

Обед стоял в холодильнике. Он разогрел борщ и картофельные зразы с мясом, поел, запил компотом и, закулив, набрал номер жены. Сослуживица сказала, что Мария у начальства. Он решил сходить на работу.

Басков пошел на Петровку. Прикинув, он высчитал, что еще успеет оформить перевод Брошина и Касимова из Тулы в Москву, в распоряжение МУРа.

Интересно бы, конечно, знать, с чего это вдруг понадобилось Степанову так срочно лететь в Таллинн, но можно потерпеть и до завтра.

Утром он отправился на автобазу, где работал Кузьмичев, и, выдав себя за старого его друга, спросил у диспетчера, как Кузьмичева найти,

мол, срочно нужно увидеться. Диспетчер сказал очень дружелюбно: «А Саша отпуск за свой счет взял, в Харьков к отцу поехал».

Басков поехал на Петровку.

Около одиннадцати ему сообщили, что Брошин и Касимов доставлены в Москву.

Прибывших Брошина и Касимова тут же, не заводя в свой кабинет, он отправил в научно-технический отдел.

Через два часа синтетический портрет «Тренера», сделанный по их описаниям, был готов. Оба утверждали, что вышло очень похоже.

Позже придется фотолаборатории выпустить этот портрет большим тиражом, а сейчас Басков попросил напечатать хотя бы пять экземпляров. И отправил Брошина и Касимова по камерам. Он обратил внимание, что за сутки они заметно сдали.

Вскоре позвонил Степанов. Басков, захватив протоколы допросов и портрет «Тренера», поспешил в прокуратуру.

Он застал Степанова жующим бутерброд с сыром. На тарелке лежало еще два бутерброда и плетеная сдоба.

— Все худеешь, — сказал, садясь, Басков. — Тебя что, в самолете не кормили?

— Я на поезде. Таллинн самолеты не выпускал. Туман — ботинок не видеть.

— А чего тебя в Таллинн понесло?

— Сначала, Леша, давай ты, а потом я.

Басков положил перед ним протоколы допросов Брошина и Касимова. Затем рассказал все, что удалось узнать о происшествии в поезде.

Выслушав, Степанов произнес слова, вовсе не относившиеся к тому, о чем говорил Басков:

— А к Никитиной ты все же несправедлив.

— Я же тебе не о Никитиной.

— А я о ней.

Степанов встал, открыл сейф и вынул золотые монеты. Их было уже не две, а три.

— Вот, сама явилась, просила принять этот золотой. Держать у себя больше не может, не имеет права. А ты говоришь: расчетливая.

— Откуда она у нее? — слегка вроде задетый, спросил Басков.

— Анатолий Никитин подарил в прошлом году, на Восьмое марта, сказал, на зубы пригодится.

Сопоставив даты, Басков заметил:

— Они тогда еще не разводились.

— Точно. Да не в этом дело.

— Ты потому и в Таллинн ездил?

— Она, представь, ясно помнит, что перед самым Восьмым мартом Никитин был в Таллинне.

— Ну и что? После этого не значит вследствие этого.

— Так-то оно так, но, понимаешь, и попытка не пытка.

— А работа не волк и так далее. Ты не тани.

— Спокойно, Леша. Я связался с таллинскими товарищами на предмет, было или не было у них какого-нибудь дела со спекуляцией золотыми монетами. Оказалось, есть сейчас.

— Как и что?

— Арестован некто Ян Лацис. Взят с поличным — покупал у иностранного моряка золотые египетские монеты.

— Когда взяли?

— Представь, три недели назад. Мне дали свидание с этим Лацисом. Предъявил ему карточки. Он опознал Никитина. Но не сразу. Только когда узнал, что Никитин убит. Очень испугался. Его постоянный крупный клиент, уже два года. И в числе товара были однажды пятнадцатифунтовые английские монеты. Вот я и думаю: одно дело, если Никитин все это себе оставлял, и совсем другое, если спекулировал или был сбытчиком у кого-то третьего.

— Я сразу сказал, когда ты о поддельных пакетах фантазировал: тебе и этих монет хватит.

— Не торопись.

Степанов вынул из сейфа свернутые в трубку новенькие пакеты «Мальборо».

— Девять штук, — сообщил он с явным удовлетворением.

— Тоже она?

— Да. Говорит, Толя где-то по случаю купил. Я понимаю, жду как? Ну, опознал этот Лацис Никитина, ну, была между ними преступная связь, а нам-то с тобой какая польза? Никитина-то нет.

— Похоже, в тупик идем.

— Будем считать это промежуточным финишем. Давай-ка подытожим. Я буду строить, а ты ломай.

— Ломать не строить, душа не болит. Валяй.

— Чтобы тебе было легче, почитай вот это. Внимательно читай.

Степанов протянул Баскову заключение судебно-медицинской экспертизы. В нем было сказано, что смерть Никитина наступила между девятью и десятью часами вечера в пятницу, 6 апреля.

Степанов откинулся на спинку кресла.

— Значит, так. Имеем две версии: первая — Никитина убил Кузьмичев, вторая — Кузьмичев не убивал Никитина.

— Богато мыслишь. У тебя же не две версии, а одна, только с подкладкой

— Не мешай... Итак, что говорит в пользу первой версии? В машине Кузьмичева найден молоток, который мог послужить орудием преступления, и золотая монета. Труп находился в доме, где живет Кузьмичев.

— Мы с самого начала считаем, что молоток и монета в машине Кузьмичева — сомнительные доказательства его причастности к убийству и ограблению квартиры Никитина. Человек, хладнокровно совершивший два тяжких преступления, не способен так небрежно отнестись к вещественным доказательствам. Это раз. Молоток как орудие преступ-

ления — под жирным вопросом. Это два. В-третьих, Кузьмичев действительно поехал к отцу, он не врал. Если он убил Никитина и оставил труп в квартире, где сам живет, — кто же он такой? Уехать и оставить три неопровержимые улики против себя преступник, способный на такие вещи, не может. Если он не страдает серьезным психическим расстройством. — Басков передохнул немного и продолжал: — Наконец, факт, позволяющий считать Кузьмичева невиновным в убийстве. Оно произошло не ранее двадцати одного часа. Кузьмичев выехал в Харьков на поезде в двадцать один ноль пять. Следует к тому же иметь в виду личность подозреваемого. Из того, что нам известно, Кузьмичева можно характеризовать сугубо положительно: правдивый, добрый, хороший. Заботливый сын. И смелый человек — задержал одного из нападавших на него грабителей, а может быть, и убийц. Все это дает право считать версию об убийстве Никитина Кузьмичевым несостоятельной.

— Ты как с кафедры, — заметил Степанов.

— Чтобы убедительнее.

— Тогда продолжим в том же духе... Если допустить, что убийство, ограбление квартиры и покушение на ограбление или убийство в поезде связаны между собой, есть основания подозревать Кузьмичева в определенной причастности к двум первым упомянутым выше преступлениям.

— Если Кузьмичев причастен к ним, то не в качестве преступника, а как жертва. В его машину подбросили молоток и монету, чтобы поставить дознание и следствие на ложный путь.

Помолчав, Степанов с ехидцей спросил:

— Если неизвестный преступник или преступники умышленно навели следствие на Кузьмичева, зачем нужно было покушаться на него? Зачем убирать человека, которого намеревались сделать ответственным за преступление, совершенное другими? Мы ведь полагаем вероятным тот факт, что покушавшийся, известный нам под кличкой «Тренер», готовил свое преступление заранее, ибо своих сообщников — Брошина и Касимова — он пригласил накануне, в четверг. Он показал им Кузьмичева еще до посадки в поезд. Он ехал в одном купе с Кузьмичевым. Следовательно, все это не было случайностью. А отсюда вывод: «Тренер» действовал по заранее разработанному плану, который включал убийство Никитина и последующую инсценировку с вещественными доказательствами. Повторяю вопрос: зачем в таком случае устранять Кузьмичева? Чтобы все концы в воду? Но это слишком уж сложно... Да и риск лишний...

Басков закурил и сказал, оставив этот официально-высокопарный стиль:

— Есть такие гробокопательские формулировочки: сколько ни болела, а все же умерла. У нас что-то вроде этого, шиворот-навыворот. Как ни раскидывай, Иваныч, а все наши выкладки разбиваются одним железным фактом: билет для Кузьмичева купил Никитин. Что ж, он, выходит, и для «Тренера» купил? И Брошин с Касимовым тоже не без билетов ехали.

— Тем более. Ты уверен, что Никитин сам покупал билет? Он дал Татьяне Никитиной билет для Кузьмичева, дал, понимаешь? Думаю, он был не из тех, кто в очередях стоит.

Степанов вынул из папки корешки двух театральных билетов, по которым ходили в Малый театр Татьяна Никитина и ее подруга Наталья Позднякова.

— Я попросил своих эти билеты проверить. Пока в Таллинн прогуливался, проверили. Куплены в кассе театра в понедельник. Кто купил, установить нет возможности. Но эти билеты как раз в понедельник Никитин передал своей бывшей жене.

— О железнодорожных я тоже думал, — сказал Басков. — Просил в Туле разыскать проводников, вдруг у них билеты сохранились?

— Это было бы неплохо.

— Но ты не очень-то обольщайся.

— А вообще-то, Леша, чуеет мое сердце — ни Лацис этот, ни Брошин с Касимовым никуда нас не выведут. Прав ты насчет тупика.

— Ну, ты монетки-то не списывай. Они не только золотую стоимость имеют.

— Обижает!

— Послезавтра Кузьмичев приедет. Может, он тебе что прояснит, я ведь с ним по этому делу — ни слова.

— Мне завтра в шестнадцать докладывать. Потребуют план, а что я предложу? Ты вот подначивал насчет двух моих версий, а более менее правдоподобно предполагать можно лишь одно: Никитина убил не Кузьмичев. Это и версией по-настоящему не назовешь, на таком предположении никакого плана не построишь. Выходит, ни одной версии нет. — В голосе Степанова явственно звучало уныние. Он положил руку на пакеты «Мальборо» и прибавил чуть веселее: — Но у нас еще вот это есть.

Степанов снял пиджак, повесил на спинку кресла.

— Между прочим, завтра Никитина хоронят.

— Думаешь пойти?

— Постою в сторонке.

— Да, чуть не забыл, — сказал Басков. — Кузьмичев говорит: Никитина просила его, чтобы оставил свои ключи соседям.

Степанов укоризненно покачал головой

— Леша, Леша, я же старый больной человек, а ты меня так терзаешь...

— Я, правда, чуть не забыл.

— Не притворяйся. Когда просила?

— Извини, но о таких деталях спрашивать я не мог.

На следующий день Степанов навестил Семеновых, соседей Никитиной. Они подтвердили, что Саша Кузьмичев оставил им свои ключи перед отъездом в Харьков. Было это около восьми вечера. Утром они отдали ключи Тане. Это было в начале одиннадцатого.

Татьяна Никитина изложила историю с ключами точь-в-точь, как Кузьмичев и Семеновы. Она добавила, что и сама, когда уезжает надо-лго из Москвы, всегда оставляет ключи соседям, чтобы не потерять.

Степанов заметил, что разговор о ключах был Никитиной непри-ятен, но, поразмыслив, чел это естественным: ей и должно быть непри-ятно все, что напоминает о происшедшем.

9

12 апреля приехал из Тулы оперуполномоченный Лосев, которого Басков просил насчет билетов и сумки.

Он привез билет Кузьмичева (сумку «Тренера» не нашли) и расска-зал вот что.

Проводница вагона № 9 поезда № 19, немолодая уже женщина, оказалась не то чтобы дальновидным человеком, но проявила завидную добросовестность.

Она знала, что пассажира, занимавшего пятое место во втором ку-пе, ранил бандит, именно она по приказанию начальника поезда принес-ла аптечку и перевязала пассажиру руку.

Она видела в Туле на перроне, как этого пассажира и какого-то куд-латого парня увела милиция и пассажир уже не вернулся. Она подумал-а, что, может, он из командированных, а им билеты для отчета надоб-ны. Поэтому билет его сохранила в ожидании, что он после хватится.

Что ранил пассажира бандит, занимавший шестое место, про то она не знала и билет его выбросила.

Степанов, услышав о билете, обрадовался.

— Я к тебе сейчас своего сотрудника пришлю, Барышев фамилия. Отдай ему...

...Следователь Барышев из группы, которую возглавлял Степанов, был двадцатипятилетним человеком неприметной наружности. Одевал-ся он небрежно. За год Степанов ни разу, например, не видел его при галстукe, хотя носил он обыкновенные рубахи, иногда даже белую. У Степанова было поползновение намекнуть об этом Барышеву, но он, конечно, не стал поступать так бестактно.

Еще отмечало Барышева редкое имя, данное ему родителями. Его звали Денис.

Во всем остальном Барышев был безупречен. За тот же год он пока-зал, что не зря имеет высшее юридическое, и к тому же у него за плеча-ми было два года работы в угрозыске. Степанов сам попросил, чтобы его назначили к нему в группу. В плане намеченных действий Барышеву от-водилась довольно сложная роль, а пока Степанов поручил ему устано-вить, где, когда и кем куплен билет для Кузьмичева.

Где — это не проблема. И когда — тоже. Барышев установил «где» и «когда» уже через два часа. Билет куплен в одной из касс дальнего сле-дования на Курском вокзале 4 апреля (Степанов отметил, что именно

четвертого Кузьмичев получил телеграмму из Харькова о болезни отца; в тот же день он, значит, и попросил Татьяну Никитину о билете, а она попросила Анатолия Никитина).

Кем — вопрос потруднее.

Барышев взял пакет, в котором лежали шесть фотографий, — четыре портрета разных мужчин, не имеющих к делу никакого отношения, портрет Никитина и портрет «Тренера», созданный криминалистами в НТО синтетическим способом. И отправился на Курский вокзал.

После недолгих изысканий кассовый начальник определила, в какой кассе был продан предъявленный Барышевым билет. К счастью, кассирша, работавшая 4 апреля, работала и сегодня.

Вызвав справедливый гнев издерганной, нервной очереди, кассиршу пригласили в кабинет.

Сначала Барышев показал ей сразу все шесть фотографий, не питая ни малейшей надежды на успех. Как может кассир, не менее издерганный, чем очередь, запомнить в лицо покупающего билет, когда ей некогда головы поднять? И действительно, кассирша заявила, что никого не видела, потому что вообще никого не видит, когда продает билеты.

Тогда Барышев использовал наводящую деталь, которой снабдил его Степанов, сказав, что, возможно, были куплены одним человеком четыре билета одновременно.

— Четыре в одни руки редко бывает, — сказала начальница.

Кассирша бросила на нее быстрый и, как показалось Барышеву, укоризненный взгляд и сказала с досадой не ему, а начальнице:

— Васька из меня жилы тянет, хоть бы отвадили вы его.

— Что за Васька? — спросил Барышев.

— Носильщик. Больно шустрый, — ответила кассирша. — Раз помогла — теперь не отвяжешься.

— Вы ему четыре билета продали?

— Ну да. Прилип... Еще и пятерку совал...

— А какие, не помните?

— Две плацкарты в общий, два купейных.

— А как его фамилия?

— Черт его знает. Васька и Васька... Номер, кажется, не то тридцать первый, не то тридцать второй.

— Спасибо большое.

— Вляпался, что ли?

— Не волнуйтесь, ничего не случилось.

— А я и не волнуюсь, я пятерки не брала...

Барышев пошел в вокзальную милицию.

Через четверть часа привели Ваську — небольшого роста жилистого парня с невинно глядевшими серыми глазами. Только присмотревшись, можно было понять, что ему уже за сорок.

Барышев вынул из портфеля бланки протоколов, записал фамилию, имя, отчество, и тут Васька утерял невинный вид, снял свою форменную фуражку.

— А чего я сделал?

— Вы в прошлую среду, четвертого апреля, покупали в кассе четыре билета до Харькова? — спросил Барышев.

Испуг моментально исчез, Васька вновь глядел невинно.

— Было дело.

— Для кого?

— Врать не буду — за четвертной.

— Я спрашиваю: для кого?

— Ну, я у стоянки такси с телегой стоял, подошел один, в порядке мужик, говорит: свояк, нужны билеты, а в кассе очередь аж до Ваганьковского кладбища. И показывает четвертной. Ну, у меня в кассе знакомая есть, добрая баба. Попробую, говорю. Он деньги на билеты дал, я беру свою телегу, а он говорит: оставь, я посторожу. Купил билеты, аж четыре. Принес — он мне бумажку в руку, и до свидания.

Барышев попросил товарищей позвать понятых из зала и разложил на столе шесть пронумерованных фотографий.

— Посмотрите хорошенько, не знаком ли вам кто-нибудь из этих людей.

Васька, заинтересованный, скользнул по карточкам быстрым взглядом, положил мизинец на «Тренера», отнял руку, посмотрел на него еще раз и сказал:

— Не я буду, вот этот.

— Что вот этот?

— Билеты купил.

Барышев составил протокол. Васька с удовольствием его прочел и подписал.

Убирая карточки и листы в портфель, Барышев спросил:

— А почему он к вам обратился, а не к кому другому?

— Так мы же полномочные представители вокзала — первые пассажира встречаем, первые провожаем. Мы должны, чтоб пассажир заботу чувствовал и повышал настроение, — явно подражая кому-то более солидному, чем он сам, с некоторым пафосом объяснил Васька. Он, кажется, был неподдельно доволен, что им интересуется прокуратура.

— Я говорю, носильщиков на вокзале много, а он обратился именно к вам. Почему?

— Наверное, я ему понравился.

С Васькой все было ясно. Барышев напоследок сказал:

— А с четвертными вы полегче, это взятка. И с заднего хода билеты не покупайте.

— Учтем, товарищ начальник. — Васька надел фуражку и козырнул.

...То, что добыл Барышев, ничего полезного для розыска «Тренера» не прибавило: цепь на нем и замкнулась, а о его существовании без того давно известно. Следствию это дало полную определенность по крайней мере в вопросе о билете Кузьмичева. Но теперь возникло несколько новых вопросов. Был ли знаком Никитин с «Тренером»? Просил ли он не-

посредственно «Тренера» о билете для Кузьмичева, или между ними был посредник? Если был посредник, то кто он?

Исходя из представлявшегося достоверным предположения, что происшествие в поезде, убийство Никитина и ограбление его квартиры — единое целое, а Кузьмичев ни в чем не виновен, Степанов сделал вывод: вся эта акция была тщательно спланирована; поскольку ее частью являлось нападение на Кузьмичева, а о его отъезде в Харьков стало известно в среду, 4 апреля, то именно в этот день ее и спланировали.

Вырисовалась схематическая картина того, как все произошло. Но следствие вперед не продвинулось, ибо полученные до сих пор результаты расследования не позволяли хотя бы предположительно, в виде мало-мальски пригодной версии ответить на главный вопрос: кто разработчик плана?

Не на все сто процентов, но Степанов был уверен, что не «Тренер» — по той понятной причине, что преступник, способный в один день сплести столь сложную и жестокую комбинацию, должен быть фигурой покрупнее «Тренера». Трудно представить, чтобы такой позволил себе самолично добывать билеты и общаться на вокзале с людьми, в силу профессии обладающими хорошей памятью на лица.

На все сто процентов Степанов был уверен, что основным объектом преступления служил Никитин. На какое по значению место в ряду объектов поставить Кузьмичева и квартиру Никитина, Степанов определить затруднялся.

В общем, прав Басков: след, по которому шли они с Профсоюзной улицы, привел в тупик. Позавчера еще теплилась слабенькая надежда, что хоть один из отпечатков, взятых в квартирах Никитиной и Никитина, вдруг удастся идентифицировать в дактилоскопической картотеке. Но зря надеялись.

Пора приступать к осуществлению собственного плана.

...Степанов позвонил Баскову.

— Леша, есть четыре билета от «Тренера».

— Ну вот, прекрасный подарок. Далеко уедем.

— Грустно, брат.

— Велика беда!

— Да я не про то. Утром на кладбище был... Понимаешь, провожала покойного квартира, три старушки, ну, где раньше жил, где мать живет, да Никитина с подругой, да школьная его учительница. И больше ни души.

— А ты что, хотел, чтоб как Шукшина?

— Ну все-таки... Колотился, колотился человек, под молоток попал, понимаешь ли...

— У тебя что, других забот нет? — прервал его Басков.

— Ты бы на мать посмотрел...

Хлопотным делом оказалось заполучить настоящий фирменный пакет компании «Филипп Моррис» с изображением пачки сигарет «Мальборо». В Москве найти трудно, разве что бродить по улицам в расчете встретить человека с таким пакетом.

Степанов собирался отдать принесенные Никитиной фальшивые пакеты на экспертизу. Для сравнения желательно было иметь подлинный.

Выручил Басков. У него друг — командир экипажа, летает на лайнере, совершающем рейсы в города Западной Европы. Басков попросил его привезти один пакет, не объясняя, разумеется, для чего он понадобился. (Друг язвительно спросил: «Что, твоя Маша тоже в эти записалась? Или ты сам?») Он подразумевал — в показушники. Басков сказал, что в таком случае он попросил бы привезти рубашку с рекламой фирмы «Пума».) Оставалось подождать дня два-три.

К экспертизе следовало привлечь специалистов из двух министерств — машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов и Минхимпрома.

Степанов ставил перед экспертами два вопроса:

- 1) Где изготовлены пленка и краска, из которых сделаны пакеты?
- 2) Возможно ли изготовление таких пакетов кустарным способом?

Основа плана Степанова состояла в том, чтобы обнаружить производителей фальшивых пакетов.

Возможно, Никитин имел с ними связь, если не прямую, то через кого-то.

Даже найдя этого «кого-то», не говоря уж о производителях, получишь какие-то связи Никитина, которых сейчас в руках следствия нет ни одной, — арестованного Яна Лациса в расчет принимать, к сожалению, не приходится: ему о Никитине, кроме как о скупщике золота, ничего не известно. Он и фамилию-то настоящую не знает.

Районный угрозыск тоже пока не выявил никого из круга нынешних знакомых Никитина.

Производители, кстати, и сами по себе представляют интерес — правда, больше не для Степанова, а для БХСС.

С 13 апреля план вступил в действие.

Начать должен был Барышев. Степанов вызвал его к себе, чтобы проинструктировать после обеда.

А до обеда у начальника отдела было совещание, на котором присутствовал и Басков. Окончательно разработали детали на случай возможных поворотов.

Отправным пунктом был Баку. Никитин часто ездил на юг, и единственный южный город, о котором точно известно, что Никитин его посещал, — это именно Баку: оттуда он прислал матери поздравительную телеграмму. Допустимо, что оттуда привез и пакеты.

Барышева выбрали потому, что он и следователь хороший, и имеет опыт оперативно-розыскной работы.

Инструктаж длился недолго. В заключение Степанов счел наконец удобным наметнуть Барышеву насчет его внешнего вида: «Ты галстук захвати. Надень для представительства. Все-таки мы столица». Прямо из кабинета Степанова Барышев отправился оформлять командировку.

В четыре часа Степанов ждал вернувшегося из Харькова Кузьмичева. Он явился минута в минуту.

До этого Степанов видел его только на фотографии, но если бы видел, что называется, и вживе, то все равно вряд ли признал бы его в том человеке, который стоял перед ним сейчас.

Понять можно: в поезде на тебя напали с финским ножом, в Харькове отец парализован, в Москве на голову свалилась весть об убийстве Никитина, да еще и того хуже — тебя же в убийстве и подозревают, и никуда не денешься: есть улики.

Допрос был долгим. Кузьмичев по часам и минутам рассказал о той проклятой пятнице — о покупках в ГУМе, о встрече со слесарями на автобазе, про обои и записку Татьяны Никитиной насчет ключей.

Во всех подробностях были восстановлены события, разыгравшиеся в поезде, и все последующее.

Ревновал ли он Татьяну к Анатолию Никитину? Может, и ревновал немного, а вообще не очень-то приятно было, что Анатолий продолжал иногда заходить в свой бывший дом.

Об отношениях брата Татьяны и Анатолия ему ничего не известно — не интересовался.

О портрете-фотороботе «Тренера» Кузьмичев заявил, что в обличье сходство есть, но выражение лица непохоже.

Разница во времени между Баку и Москвой час, в Баку солнце встает раньше, однако Барышев прилетел задолго до начала рабочего дня. Найдя в зале розетку, он побрился электрической бритвой и на автобусе приехал в город.

Он ходил по улицам, и ему было очень интересно, потому что он никогда раньше в Баку не бывал.

Неожиданно набрел на рынок и обрадовался: работа, ради которой он сюда прилетел, в числе прочего включала осмотр рынков.

Всем чем угодно торговали на рынке, только не тем, что искал Барышев. Пакетов «Мальборо» не было видно.

Выйдя с рынка, он повстречал милиционера и спросил, как добратся до городской прокуратуры.

Заместитель прокурора, к которому нужно было Барышеву попасть и которому, он знал, вчера звонили из Москвы, принял его немедленно.

Барышев нашел полное понимание и готовность к сотрудничеству; по телефону был легко улажен квартирный вопрос, и он, вдохновленный хорошим началом, отправился в гостиницу «Азербайджан».

Ему предложили такой номер, что подотчетных квартирных хватило бы от силы дней на пять, а у него командировка на две недели. Барышев, к удивлению администратора, робко попросил что-нибудь подешевле и получил номер, показавшийся ему прекрасным. Барышев впервые

был в такой дальней командировке и впервые поселялся в гостинице, поэтому даже процедура оформления, не говоря уж об осмотре номера, сделалась для него целым событием.

Барышев помнил только, да и то смутно, как повязывается лишь один галстук — пионерский. Никаких иных он по сию пору не носил. Минут сорок, а может, и весь час терзал он перед зеркалом себя и галстук, три пота сошло, но каждый раз получалось, как пионерский, — концы в разные стороны. Чувствуя, что вот-вот озвереет или сделает петлю из этого проклятого галстука и повесится, Барышев бросил полосатого змея в корзину для бумаг, стоявшую у стола, разделся до пояса, помылся и надел свежую рубашу. Потом посидел в мягком кресле, отдохнул, потому что испытывал усталость хуже, чем после самолета.

Плохо, конечно, Степанов бы, наверное, сделал ему замечание, но, во-первых, он уже представлялся без галстука заместителю прокурора, и ничего, землетрясения не произошло, а уж с ребятами из милиции чем проще, тем лучше. Ему не посетителей принимать, а исполнять черную работу сыщика...

Рассудив так и успокоившись, Барышев взял из чемодана пакет «Мальборо», положил во внутренний карман пиджака и отправился в городское управление внутренних дел.

Начальник УБХСС, выслушав его, поговорил с кем-то по телефону. Явился молодой парень, на вид лет двадцати (после выяснилось, они с Барышевым ровесники). Познакомились. Инспектор пригласил к себе и по дороге попросил называть его просто по имени — Балабек.

В кабинете Барышев растелил на столе пакет и изложил задачу, не вдаваясь в детали дела, которых он и сам не знал, и спросил, не приходилось ли Балабеку видеть в городе такие мешочки.

— Я не курю, дорогой, но такие красивые сигареты видел. А мешки не видел. — Балабек говорил с легким акцентом, и это выходило симпатично.

Барышев сначала подумал, что вряд ли местом производства пакетов может быть Баку, коли в городе трудно их встретить. Но потом ему пришла мысль, что, может быть, как раз и наоборот: сбывать подпольно произведенную продукцию безопаснее где-нибудь в другом месте, по принципу «где живешь — не воруй». К тому же у Балабека не только и забот, чтоб глядеть на пакеты.

Договорились так: будут ходить по городу, предпочтительно по самым людным улицам, обойдут рынки, универмаги, вокзалы. Если повезет встретить продавца пакетов, Барышев сделает покупку, а Балабек постарается после определить, где продавец живет. Если же им попадется обыкновенный прохожий с пакетом, Барышев поинтересуется, где можно обзавестись таким великолепным сувениром. Решили начать тут же.

Вышли на улицу.

Балабек спросил:

— Ты завтракал?

— Нет.

— Идем, дорогой, я тоже кушать захотел.

Балабек привел его в крошечный ресторанчик, расположенный на первом этаже старого дома, и Барышев поел очень вкусно — мясо под соусом, и много зелени, и горячий лаваш с хрустящей корочкой, а на записку душистый чай, который наливали в маленькие стаканчики с тонко перехваченной талей...

...Три дня путешествовали они по городу и не увидели ни одного пакета. Для Барышева это было бесполезно и, более того, увлекательно и познавательно — он изучил Баку гораздо лучше, чем сумел бы это сделать, путешествуя в группе организованных туристов в сопровождении экскурсоводов. У него экскурсовод был персональный. А Балабек заскучал.

И вот на четвертый день утром, проходя по набережной вдоль моря, возле гостиницы «Интурист» они встретили девушку с новеньким пакетом фирмы «Мальборо».

Барышев остановил ее словами:

— Простите, пожалуйста, за дурацкий вопрос. Где вы купили этот мешочек? Меня просили достать...

Девушка повернулась в ту сторону, откуда шла, и сказала:

— А вон там, у киоска, бабушка продает. В серой беретке.

Бабушка в серой беретке и длинном темно-синем платье с длинными рукавами с большой черной хозяйственной сумкой в одной руке и с дымящейся папиросой в другой скромно стояла в тени большого, неизвестного Барышеву по названию цветущего куста на краю приморского бульвара.

Они издали стали наблюдать за нею.

Бабушка действовала с разбором. Ее система была основана на элементарном знании психологии, необходимом каждому торговцу, особенно торгующему незаконно. Мужчинам она свой товар не предлагала, солидным женщинам — не всем, и девушкам тоже. Она высовывала из черной сумки красный уголок глянцево блестящего пакета только тогда, когда мимо проходила девушка или женщина с фирменным, но уже поношенным пакетом иностранного происхождения или от «Березки».

Система срабатывала безотказно: все, кому показывался пакет, покупали его.

Барышев подошел к бабушке, когда она, бросив окуроч, отсчитывала сдачу с десятки высокой девушке в соломенной шляпе, а девушка перекладывала какие-то баночки и коробочки из старого пакета в новый.

Девушка удалилась, а Барышев спросил у бабушки:

— Сколько стоит?

— Три, уважаемый. Импортная вещь.

Речь ее отдавала некоей изысканностью, что показалось Барышеву неожиданным у человека, посвятившего себя занятиям такого рода, но он счел это местной экзотикой.

Барышев достал бумажник, вынул трешку. Бабушка вытянула из черной сумки пакет, и он успел заметить, что у нее там еще много, может, штук пятьдесят, аккуратно сложенных вдвое. А может, и меньше — на глаз не определишь.

Барышев ушел, а Балабек остался.

У себя в номере Барышев сравнил привезенный пакет с купленным. Получилось, что называется, один к одному. Зная особенность пакетов, он потер сухим пальцем новоприобретенный — на пальце осталась краска.

Поздно вечером Балабек привез бабушку в милицию и поднялся вместе с нею в своей кабинет, где их ждал Барышев. Темно-коричневое лицо бабушки при электрическом свете казалось черно-серым. Держалась она спокойно.

Сев на стул, попросила разрешения курить. У некурящего Балабека не было пепельницы, он дал ей лист бумаги. Она свернула кулечек.

Барышев, сидевший за столом, спросил у бабушки, как ее зовут.

— Екатерина Петровна, с вашего разрешения, — взглянув на него и явно узнав в нем утреннего покупателя, ответила она.

— Вы занимаетесь незаконным промыслом, уважаемая Екатерина Петровна.

— Позвольте, какой же это промысел? Получаю сто пятьдесят пакетов в месяц, да и то не всегда. Я продаю за три рубля, но два с половиной отдаю. Пенсии мне не положено. Считите, сколько получается. И потом, это унижает мое достоинство. Я не торговка. — Она совсем не заботилась о том, что другие могут усмотреть в ее словах вопиющее противоречие.

— Где вы их берете? — усмехнувшись, спросил Барышев.

Екатерина Петровна гордо вскинула голову и сказала с волнением:

— Я не должна этого говорить.

— Будьте справедливы, Екатерина Петровна, мы ведь имели право задержать вас, но не задержали. И сейчас я вас не допрашиваю, а надеюсь на ваше благоразумие и помощь.

— Он ужасный человек. От него можно ждать чего угодно.

— Кто бы он ни был, вам нечего бояться. Он не узнает, что вы были здесь. Если, конечно, вы сами ему не скажете.

— Что вы, господь с вами! — Она взмахнула руками так, что пепел из кулечка обсыпал ей колени.

— Так кто же он?

Екатерина Петровна оглянулась на сидевшего у нее за спиной Балабека.

— Ничего, тут все свои люди, — сказал он и улыбнулся.

— Роберт Ситпаев, — сказала она.

— Кто он такой? — спросил Барышев. — Чем занимается?

Екатерина Петровна закашлялась. Бросив докуренную папиросу

в кулечек и придавив ее, она неопределенно пошевелила в воздухе пальцами.

— Как-то я случайно видела — он выходил из автомобиля возле министерства. У него свой автомобиль.

— Возле какого министерства?

— Простите, не помню. Помню, что там была красивая черная доска с золотыми буквами, а какое — мне как-то не пришло в голову читать.

— Екатерина Петровна, вы давно живете в Баку? — задал вопрос Балабек.

Она обернулась к нему и воскликнула с пафосом:

— Вся жизнь! — И добавила в пояснение: — Родители переехали сюда из Петрограда в шестнадцатом году, мне было тогда семь.

— Неужели вы так плохо изучили город, что не знаете, где какое министерство? — удивился Балабек.

— Милый мой, я всю жизнь прожила за спиной у мужа и никогда не интересовалась министерствами.

— Сколько лет этому Роберту Ситпаеву? — спросил Барышев.

— Думаю, лет тридцать пять, но он очень толстый.

Барышев достал из кармана блокнот.

— Екатерина Петровна, вы у него дома бывали?

— Только один раз, еще при первом знакомстве. Товар я получаю у него на даче. Роскошная дача!

— Вы одна на него работаете или есть и другие?

— Я знаю еще одного продавца, тоже старушка. Но у нее другая метода. Она не стоит с этими пакетами в определенном месте, она предпочитает ходить по всему городу.

— Где живет Ситпаев?

— Улица Аганий Матула.

— Я знаю эту улицу, — сказал Балабек.

Барышев записал номер дома и квартиры и спросил:

— А отчество?

— Рзаевич.

— Каким образом вы познакомились?

— По чистой случайности. Прошлым летом я сдавала в комиссионном китайскую вазу. Не то чтобы старинная, но чудесная ваза. Было неважно с деньгами. Ну, он подошел и сказал, что готов купить ее прямо без комиссии. Он показался мне вполне приличным человеком и заплатил довольно большую сумму. Он даже довез меня до дома. А потом заехал как-то и предложил помочь, а еще потом привез эти самые пакеты и объяснил, как надо их продавать. Я почему-то согласилась.

— Спасибо, Екатерина Петровна, — вставая, сказал Барышев. — Надеюсь, вы никому о нашем разговоре рассказывать не станете. Особенно Роберту Рзаевичу.

Она опять замахала руками.

— Помилуйте! Я же не враг себе.

— Благодарим вас, всего доброго.
— Так меня не заберут? — В голосе ее слышалось некоторое разочарование.

— Ну зачем же.

Екатерина Петровна тоже встала.

— Конечно, слишком много чести. — Она вздохнула и, секунду подумав, сказала: — Я глупая старуха, но у меня достаточно ума понять... Мой бизнес потерпел крах?

Барышев развел руками.

— Увы, Екатерина Петровна, это, к сожалению, противозаконно.

Она неожиданно рассмеялась, от души, беззвучно, как порою человек, будучи один, смеется сам над собой, припомнив какой-нибудь нелепый свой поступок. Даже слезы на глазах выступили.

Смахнув их выдернутым из узкого рукава кружевным маленьким платочком, она сказала:

— Из меня получился бы недурной американский гангстер или итальянский мафиози, не правда ли?

— Вы, кажется, неплохо подкованы в этой области, — с улыбкой заметил Барышев.

— Я же читаю все газеты. На стендах.

Посмотрев на ее разбитые, давно облупившиеся лаковые туфли, Барышев нечаянно для себя спросил:

— Простите, Екатерина Петровна, а на что же вы живете? Только на эти пакеты?

Она опять вздохнула.

— У меня есть сын и дочь. Ему уже пятьдесят семь, а ей годом меньше. Они в Москве. Присылают кое-что, правда, нерегулярно. Но жить, знаете ли, можно. Я не унываю, жизнь прекрасна. У меня уже и внуки давно взрослые, вот такие, как вы, а может быть, и старше.

Наступило какое-то неловкое молчание, которое прервала Екатерина Петровна.

— Ну, спасибо вам, юноши, я пойду. Боюсь, соседка будет недовольна, она рано ложится, ей на работу к восьми.

— Вас отвезут, — сказал Балабек почти с нежностью.

К двенадцати часам следующего дня о Роберте Рзаевиче Ситпаеве было известно все, что можно почерпнуть из анкеты и собственноручно писанной автобиографии, хранящихся в отделе кадров, а также кое-что о его сегодняшнем положении — то, что можно выяснить деликатным путем, не бросая на человека ни малейшей тени.

Сорок один год. Беспартийный. Образование — незаконченное среднее. За двадцать лет сменил девять мест работы. Сейчас в системе бытового обслуживания.

Женат, имеет двоих детей — сына десяти лет и дочь восьми лет. Жена — домохозяйка.

Судимостей не имел.

Таковы анкетные данные. А вот неанкетные.

В этом году очередной отпуск по графику положен Ситпаеву в сентябре. (Это Барышеву немаловажно знать: вдруг Ситпаев на днях уедет в отпуск.)

В командировки ездить Ситпаеву по роду службы не приходится. Оклад — сто тридцать рублей.

Круг знакомых невелик (в основном сослуживцы).

Имеет машину — «Волгу» последней модели. Владеет загородным каменным домом (полезная площадь — 120 квадратных метров).

Портрет, конечно, незаконченный, но если прибавить к этому рассказ Екатерины Петровны, общее представление о личности Ситпаева складывалось вполне определенное и не в его пользу.

Барышев сочинил довольно пространную телеграмму, в которой изложил данные о Ситпаеве и его отношении к продаже пакетов. Немного поколебавшись, он все-таки подавил в себе соображения служебной субординации и в конце телеграммы высказал свое личное мнение: «Считаю правомерным обыск дачи Ситпаева».

Начальник Балабека быстро урегулировал вопрос о передаче телеграммы в Москву, и Балабек отнес ее на телетайп.

Окончание следует

ШМЕЛЕВ Олег Михайлович

КЛЮЧИ

Повесть

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 25.05.89. Подписано к печати 17.07.89.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28.
Уч.-изд. л. 3,34. Тираж 150 000 экз. Зак. № 718.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!**● ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА через учреждение СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА СССР**

● Одной из прогрессивных форм обслуживания трудящихся является выплата через учреждения Сберегательного банка СССР заработной платы рабочим и служащим и денежных заработков колхозникам.

● Такая форма расчетов имеет большое социально-экономическое значение и тесно сочетает интересы государства с личными интересами трудящихся.

● Заработная плата может перечисляться на Ваш счет по вкладу в любое учреждение Сберегательного банка СССР.

Деньги со вклада выдаются в удобное для Вас время в полной сумме или частями. Вкладчик может оформить доверенность любому лицу на получение денег.

Сберегательный банк СССР к Вашим услугам!